

Лада Зорина

Невинная для магната

«Литнет»

2023

Зорина Л.

Невинная для магната / Л. Зорина — «Литнет», 2023

— Я что, ваша заложница? Я у вас в плену? — Вы здесь по контракту! — прорычал Булатов. — Но если он вас не устраивает, катитесь ко всем чертям! Нет, только не домой... Это даже хуже, чем жить под одной крышей с таким чудовищем. — Ягнёночек передумал покидать адское логово? — серые глаза полыхнули пламенем. — Сашку воспитывайте. Ко мне не лезьте! Я сама не знала, во что впуталась, став гувернанткой приёмной дочери магната Дамира Булатова. Мужчины его боятся, женщины его хотят. И мы друг друга не-на-ви-дим! Но однажды он мог бы стать моим Защитником. А я — его Надеждой. ♥# Нежная и невинная героиня ♥# Брутальный и властный красавец-герой ♥# Эмоции на грани ♥# ХЭ

© Зорина Л., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	57
Глава 18	59
Глава 19	62
Глава 20	65
Глава 21	68
Глава 22	71
Глава 23	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

— Надя! Тебя срочно Лиля к себе вызывает.

Я обернулась и едва успела перехватить пластмассовую машинку, которой Егор чуть не въехал в висок своему товарищу по экстремальным играм.

— Сударь, так дела не делаются, — шепнула я ему, нахмутив брови. — Решил Димке ДТП устроить?

Егор насупился, следя за отобранной машинкой.

— Отдам, если пообещаешь больше такого не вытворять.

— Обещаю, — буркнул карапуз и, выхватив из моей руки вожаденную машинку, прижал её к груди.

Я встала со стульчика, отряхнула юбку.

— Она у себя?

Дежурившая со мной в зале Наташа кивнула:

— Бумагами занимается.

— Думаешь, опять что-то в отчётностях не сходится?

Моя коллега хихикнула, прикрыв рот ладошкой:

— С её-то способностями в математике, я не удивлюсь.

Но, как оказалось, дело было вовсе не в отчётностях, не в сметах и даже не в том, что зарплату Лилия Михайловна нам в очередной раз выплатит «позже».

— Ага, Белова. Заходи, — моя начальница отложила подальше какие-то папки, среди которых, я видела, мелькали наши личные дела — досье персонала её частного детского сада.

Она откинулась в кресле, потёрла лоб, будто у неё разыгралась мигрень.

— Скажи, у тебя дома по-прежнему всё... не ахти?

Я даже вздрогнула от одного только упоминания слова «дом», но постаралась, чтобы Лиля не заметила моего внезапного волнения.

— По-прежнему.

— Хорошо, — она резко поднялась из кресла, потом сообразила, как это прозвучало, шлёпнула себя по губам. — Прости, это я не подумав. Так, раз дома у тебя всё по-прежнему, значит, собирайся.

— А... куда?

— Со мной поедешь, — Лиля потрянула своим жгуче чёрным каре, будто пыталась освободить голову от лишних мыслей. — Возможно, я отыскала решение твоей проблемы.

Минут через двадцать мы мчались в её личном авто в февральскую неизвестность, а я пыталась сообразить, как вытянуть из внезапно замкнувшейся начальницы хоть какую-то информацию об этой во всех смыслах неожиданной поездке.

— Так... куда мы всё-таки едем? — наконец не выдержала я. Никаких филигранных способов выудить из неё информацию я не придумала.

Лиля послала мне долгий, едва ли не изучающий взгляд, будто взвешивала все за и против, потом обернулась и попросила водителя поднять межсалонную перегородку.

А вот это уже действительно странно... Странно и подозрительно.

— Что ты знаешь про Дамира Булатова?

Мне потребовалось время, чтобы сориентироваться — слишком уж неожиданным был вопрос.

— Это тот, который столичный магнат?

Лиля кивнула.

— Да почти ничего, как и все. Знаю, что у него прозвище — Грек. Но о нём больше слухов ходит, чем правды, если я правильно понимаю.

— Слухи мне пересказывать не надо. Ты скажи, что лично тебе известно.

Нет, это и впрямь странно.

— Ну... говорят, он сказочно богат. У него какой-то крупный бизнес, что-то вроде бы с ВПК связанное. После трагедии у себя на предприятии выехал из столицы. Живёт отшельником где-то за городом. Иногда мелькает в светской хронике. Слушай, ну это же всё, о чём и в новостях талдычат. Ничего сверх я не знаю. Это бы тебе у моей сестры спросить. Она на нём помешана.

Как и половина столицы, наверное. Тоже мне, нашли из кого звезду лепить...

— Он гувернантку ищет.

— А?..

— Ему воспитательница нужна. У него, как выяснилось, маленькая дочь подрастает. Он ищет для неё няньку.

Так... стоп! У меня даже дыхание перехватило.

— Лиля, ты... мы что, едем к Булатову?

Моя начальница отбросила с лица короткую смоляную прядь, кивнула. Кажется, нервничала. Но сейчас она не могла нервничать сильнее, чем я.

— Ты хоть бы... ты хоть бы спросила, нужна ли мне такая работа! О нём же чего только не говорят!

— Ты же сама сказала, что это слухи.

— Да откуда же я знаю, а может, они правдивые!

— Не дёргайся раньше времени, — Лиля в несвойственной ей задумчивости уставилась на заснеженную дорогу. — Мы ещё не знаем, захочет ли он брать тебя на работу.

Эти слова меня немного успокоили, и всё же... ну кто вообще так делает? Без спроса куда-то везти подчинённую, ничего ей толком прежде не объяснив?

— Ты-то вообще как об этой вакансии узнала?

— Связи, — кратко пояснила Лиля, и до конца пути мы с ней больше не разговаривали.

Всю оставшуюся дорогу я пыталась как-то примириться с ситуацией, в которую так неожиданно попала. Лиля думала о чём-то своём. Видимо, ей по каким-то только ей известным причинам была очень важна эта встреча. Может, её тоже вот так неожиданно порекомендовали, и теперь она переживала за свою репутацию?..

Потому что Дамир Булатов... ох, вот уж никогда бы в жизни не подумала, что мне доведётся побывать на самом секретном закрытом объекте Подмоскovie, как шутили о его поместье сплетники.

И, кажется, в своих рассказах они не слишком-то преувеличивали. Мы проехали напичканный электроникой пост, где нас и машину тщательно проверили, долго ехали по бесконечной подъездной аллее, а потом вырулили на просторную подъездную площадку, вдоль которой раскинулось элегантное здание с изящной колоннадой.

В отличие от города здесь вокруг всё ещё лежал белый, нетронутый грязью снег, придавая окружающим пейзажам невероятно сказочный вид.

В моей реальности таких видов просто не существовало... как будто в другой мир перенеслась.

На входе в здание нас ещё раз проверили, забрали нашу верхнюю одежду и провели через рамку. Тут и там нам встречались молчаливые, насуленные люди в форме — частная охрана.

Мне становилось всё больше не по себе.

Господи, Лиля, во что ты меня впутала...

Ещё сегодня утром я проснулась в своём привычном аду, а сейчас попала куда-то, определения чему даже пока не подберу.

В парадном, отделанном мрамором и потому гулком фойе начальница со мной на время попрощалась — ей, мол, нужно утрясти кое-какие организационные вопросы нашей встречи, и я осталась наедине со своими лихорадочными мыслями.

Пробежавший мимо худенький мальчишка в строгой тёмно-синей, смахивавшей на ливрею форме, указал мне на притаившийся в углу у парадной лестницы круглый антикварный столик и кресло рядом с ним.

Я присела. У меня немножко кружилась голова.

Нет, как-то всё это слишком быстро разворачивалось. Я определённо не успевала регистрировать происходившее.

А через четверть часа справа отворилась украшенная искусной резьбой дверь, и выскочившая оттуда Лиля поманила меня за собой.

Я встала. Я вошла в просторный, отделанный тёмным деревом кабинет. И предстала перед Дамиром Булатовым.

Хозяин поместья — облачённый в строгий костюм широкоплечий брюнет с аккуратной короткой бородой и ледяными светлыми глазами — сидел за массивным рабочим столом и смотрел на меня так, будто я совершила тяжкий грех, уже просто войдя в его кабинет.

Тяжёлый взгляд попросту пригвоздил меня к месту. Едва слышно поздоровавшись, я вся невольно скукожилась.

Ответом мне была долгая-долгая пауза. И потом:

— Нет.

От густого низкого голоса у меня дрожь по телу пошла.

— Простите?.. — подала голос Лиля.

— Нет, — повторил Булатов, удерживая меня взглядом. — Эта — не годится.

Глава 2

Нестерпимый жар залил мои щёки, шею и грудь. Я чувствовала себя животиной на торгах, поверх чьей головы стоваривались о цене продавец и покупатель.

За свою недолгую жизнь, мне, к сожалению, во всяких ситуациях бывать приходилось, но в такой — впервые.

И ради чего, спрашивается, я соглашалась это терпеть? А вот начнём с того, что и не соглашалась.

— Я к вам в работницы не напрашивалась, — я отступила, будто пыталась освободиться от почти осязаемой хватки, в которой держал меня этот странный взгляд. — Всего доброго.

И выскочила из кабинета. Пусть Лиля там сама разбирается. Впредь будет знать, как тащить с собой кого-нибудь, ничего ему толком не объяснив.

Да что на неё вообще нашло — вот так со своим персоналом обращаться? Я же у неё вроде на хорошем счету. Она сама говорила, как меня ценит.

Может, сложности какие-то? Она действительно вела себя странно...

Я не успела обдумать всё как следует — из дверей кабинета выскочила начальница. Лицо у неё было такое, будто она никак не могла решить, что ей сейчас испытывать целесообразнее: тревогу или злость.

Она шагала ко мне, как-то сгорбившись, словно это место на неё незримо давило. Неудивительно — монументальность интерьеров запросто производила впечатление, будто ты тут не значительнее мошки, и отношение к тебе соответствующее.

Я вспомнила взгляд Булатова и невольно поёжилась.

— Белова! — прошипела Лилия, бросив свою сумку в кресло у того самого круглого столика. — Ты что, сдурела?

Так. Ну это уже, извините, ни в какие ворота.

— Лилия, я допускаю, что для тебя весь этот вопрос почему-то очень-очень важен, но при всём уважении, чего ты ждала? Разве можно было тащить меня сюда вот так и ожидать, что я буду выслушивать от этого...

— Ш-ш-ш-ш! — снова зашипела Лилия. — Надя, я прошу тебя, помолчи! Да. Ты права. Дай мне всё объяснить.

Ну, это уже кое-что.

— Я понимаю, как всё это выглядит, но возможность свалилась просто... просто как снег на голову. Мне нельзя её упускать. *Нам* нельзя её упускать. Ты знаешь, как сильно приходится бодаться с конкурентами. Особенно после того, как Дамаева свой детсад в наш район перенесла. А это — это золотая жила для нас! С такой-то рекомендацией... Сам Булатов!

Я вздохнула, потёрла пальцем висок.

— Ладно... ладно, логику здесь я вижу. Только... почему я?

— Ты знаешь, как работать с проблемными детьми, Надя. Я видела, что ты умеешь. У тебя же дар. Булатов этого ещё не знает, но он второго такого специалиста не отыщет. Думаешь, стала бы я за тебя такую сумму прошлой весной отваливать, только чтобы ты на курсы повышения квалификации записалась? Тебе это дано!

Не любила я, когда меня захваливали. Я сразу начинала в себе сомневаться. Но заострять сейчас на этом внимание было некогда. Да и Лилия мне не дала. Она вытащила из рукава свой козырь и обыграла меня в пух и прах.

— Но главное, Надя, главное... И я сейчас молчу о зарплате, которую когда увидишь, глаза на лоб полезут. Знаешь, какое одно из основных условий для здешней гувернантки?

— Ну?

— Она остаётся жить здесь. Понимаешь, о чём я?

Сердце у меня в груди затрепыхалось раненой птичкой. Да что ж ты сразу-то об этом не сказала?..

— Понимаю, — прошептала я. — Это...

— Да, именно! Это для тебя шанс освободиться от всего, что творится у тебя дома. Ты только представь!

Сказать, что вырваться из дома было мечтой всей моей жизни — это ничего не сказать. Ничего в жизни я не желала больше.

Вот только, кажется, я свой шанс уже упустила.

Господи, представить только, я же этому Булатову прямо в глаза сказала, что не больно-то и хотелось...

— Лиль, но я ведь, кажется, уже всё проворонила. Ты видела, *какон* на меня посмотрел? Да так на собак безродных не смотрят.

Лиля поняла, что я свои бастионы сдала, и это её мгновенно приободрило. Она живо скомандовала:

— Сядь, жди здесь, — и подхватив свою сумку, пошла в кабинет.

Я очень удивлюсь, если её сейчас оттуда не выкинет охрана. Хозяин этих хором не производил впечатление сговорчивого человека.

Я невольно покосилась на украшенную хитрыми виньетками столешницу, на которой лежала пачка глянцевого журналов. Будто этот угол заодно служил посетителям импровизированной комнатой ожидания. Впрочем, учитывая репутацию Булатова как затворника, временами в прямом смысле слова работавшего из дома... Наверное, в этом был смысл.

С верха стопки на меня смотрела цепляющая взгляд обложка: красивый темноволосый мужчина и его очаровательная спутница. Ярко-красная подпись гласила: «Миллиардер Андрей Волков расстаётся со статусом холостяка! Избранницей бизнесмена стала сотрудница его пресс-службы Евгения Миронова».

Очень красивая пара, очень.

Я вздохнула. Бывают же в жизни сказочные истории...

Но долго радоваться за чужое счастье мне не пришлось — дверь кабинета снова распахнулась, и Лиля уже во второй раз за неполные полчаса поманила меня в логово сурового обладателя убийственного взгляда.

Разница была только в том, что теперь у меня разве что поджилки не тряслись. Как, да как я буду сейчас убеждать его в том, что погорячилась?

Поравнявшись с начальницей, я услышала от неё напутственное: «Не трясись!» — и второй раз за день предстала перед Булатовым.

Забавно, но я только сейчас сообразила, что в кабинете он был не один. За его креслом с высокой спинкой маячил седой худощавый мужчина средних лет в таком же тёмном костюме, но он удивительным образом сливался с интерьером. Подозреваю, так и было задумано.

Я сглотнула.

Булатов заметно нахмурился, меж густых чёрных бровей пролегла вертикальная складка. Он дёрнул запястьем лежавшей на подлокотнике правой руки, будто приглашал меня говорить, однако нарушил молчание первым:

— Ну что, извиняться будете?

Глава 3

— Извиняться? — опешила я и даже оглянулась на Лилию. Я, конечно, понимаю, что у богачей свои причуды, но он ведь даже поздороваться со мной не удосужился!

Моя начальница послала мне нервную улыбку.

— Или, может это сделаете вы? — обратился Булатов к ней.

— Простите?..

Господи, она в его присутствии хоть какие-то другие слова знала?

Булатов усмехнулся, качнул головой, будто вдруг сообразил, что имеет дело с двумя очень недалёкими бабами, чёрт знает каким образом — да наверняка же по глупости! — попавшими в его неприступную цитадель.

— Мне кажется, вам всё-таки следовало. Кто решил, что вот эта кандидатура — самая подходящая? Они прислали ребёнка присматривать за ребёнком? Я им недостаточно денег плачу?

Кому «им»? О чём он вообще говорит?

— Я... я не ребёнок, — у меня откуда-то набрались силы ответить или хотя бы попытаться защитить своё реноме.

Серые глаза вернулись ко мне. Но прежде мой странным образом сейчас работавший мозг успел отметить очевидное. Теперь мне становилось предельно ясно, почему мужчины его побаивались, а женщины — хотели.

Никакие видеосюжеты и уж тем более фотографии в прессе не могли передать и капли той энергии, что исходила от знаменитого отшельника.

Вот такого человека не заметить в комнате было просто невозможно. Да что там в комнате... такой бы и на громадной площади посреди толпы не затерялся.

Опасный человек, во всех смыслах опасный...

— Да ну? — вдруг усмехнулся он, и ощущение опасности усугубилось. — Вам сколько лет?

— Двадцать семь, — с вызовом ответила я.

Чёрные брови приподнялись.

— Надо же... а на вид больше семнадцати не дашь. Генетика, наверное, хорошая.

Генетика... я едва не фыркнула от такого предположения. Знал бы он про мою генетику и на порог бы не пустил. Предположил бы, что к тридцати сопьюсь (привет отцу) и уйду в затяжную депрессию (и матери).

— Не курю. Алкоголь не употребляю, — вместо этого отчеканила я, как бы намекая, что в этом смысле более чем пригодна для общения с детьми.

— Похвально, — равнодушно отозвался Булатов. — Замужем?

Я мотнула головой.

— Значит, всё это ещё впереди. Мне не очень-то выгодно нанимать на эту должность кого-то, кто не сможет всё своё время посвящать работе.

И к своей величайшей досаде я снова почувствовала, что краснею. Но этот вопрос стоило прояснить, так ведь? Потому что сейчас — и буквально в мгновение ока — для меня эта должность стала соломинкой, за которую я собиралась цепляться до конца.

— Тут проблемы не будет.

— Поясните.

— Я не собираюсь замуж.

— Откуда такая категоричность?

— Оттуда, что у меня никого нет! — выпалила я, ненавидя себя за дикую неловкость, которую испытывала от этого странного диалога-допроса. — Не будет у вас с этим проблем. Мне не придётся ни на что и ни на кого отвлекаться.

— Хм, — Булатов потёр костяшкой указательного пальца верхнюю губу, о чём-то задумался.

Наверное, слухи не зря приписывали ему всякое... совершенно непонятно, что у этого человека на уме. Вот и гадай, то ли он всегда такой мрачный, то ли это массивная нижняя челюсть и его чёрная борода, несмотря на свою предельную ухоженность, придававшая ему исключительно суровый вид...

И всё же было в его лице нечто откровенно породистое... Может, ровный нос с узкой переносицей и тонкими, хищными ноздрями? Брови взлёт? Высокий лоб? Сказать сложно. Наверное, всё это как-то работало вместе.

И видимо, не зря многие считали, что Булатов голубых кровей. Был такой старый дворянский род, поэтому я, наверное, не удивилась бы, окажись эта сплетня чистой правдой.

— Вы что, фанатка физиогномики?

— Что? — я вздрогнула и заморгала. Его низкий голос будто горячим языком по позвоночнику прошёлся.

— Вы так пристально меня изучаете, что так и хочется напомнить: вас сюда прислали Сашку развлекать, не меня.

Боже мой, да что, в конце концов, за чудовище этот Булатов... Как можно быть таким... грубым? Таким бестактным? При такой-то внешности?

— С физиогномикой я не особенно знакома, — не получится у него меня своими выпадами напугать. Пуганная.

— И что, ничего у меня на лице не прочитали?

— А что я должна была прочитать у вас на лице?

— Не знаю. К примеру, свой приговор.

— Вы скупы на эмоции. Врождённое или приобретённое — сказать сложно. Я вас совсем не знаю. Поэтому не стала бы рисковать и строить предположения.

Теперь приподнялась всего одна бровь. Оценил мою способность перегруппироваться и замедлить отступление, даже если и гарантий на победу у меня не было никаких.

— Почему вы передумали?

Я подняла на него глаза в немом вопросе.

— Почему вернулись и терпите меня? — снизошёл он до уточнения.

Этот человек не переносит лжи. Я это каждой клеточкой чуяла. В этом вопросе он бескомпромиссен.

— Потому что моя начальница только сейчас рассказала мне об условиях. И они очень мне подходят.

— А-а-а-а, — с удовлетворением протянул Булатов, будто ему наконец-то удалось меня раскусить. — Так вы за деньгами сюда приехали?

Ошибаетесь. За убежищем. Но вам об этом знать необязательно. Вас это всё равно никак не тронет — по вам это яснее ясного видно.

Вслух я ответила вопросом на вопрос:

— А зачем ещё люди на работу нанимаются?

Булатов кивнул, но скорее каким-то своим мыслям, и неожиданно обратился к своему помощнику:

— Слышал, Николай Палыч? Нечасто нас соискатели такой прямоотой радуют.

Мужчина у него за креслом позволил себе скупую улыбку, но я успела заметить, что улыбка была тёплой, почти дружеской.

— Всё это... как минимум забавно, — отозвался наконец Булатов.

Я невольно сглотнула. Очень сильно захотелось пить.

— Но принимать решение на основе почти пустого разговора я не собираюсь.

То есть... шанс у меня ещё оставался?.. В ответ я только кивнула, дав понять, что, само собой, принимаю эти условия.

— Вас, кстати, как зовут?

Так ведь наверняка знал же. Не могла меня сюда Лиля без предварительного согласования притащить. Но бог с ним. Может, и это какой-нибудь тест.

— Н-надя.

— Надя, — усмехнулся он, будто моё имя было шуткой. — Наде здесь вообще-то делать нечего.

Он помолчал.

— Вы свободны. Вас позовут, когда я решу, как с вами быть.

Через пару минут двери за нами закрылись. И нам с Лилей оставалось только ждать, когда Булатов и его загадочный компаньон решат нашу судьбу.

Глава 4

Помимо четырёх детских садов из его фонда кормилось с дюжину других частных инициатив. Деньги брали — будь здоров. Ещё никто не отказался. Кланялись, благодарили и приходили ещё. Тех, кто прошёл проверку и расходовал средства адресно и честно, ждала приятная неожиданность — невзирая на свою репутацию, Булатов оказывался щедрым меценатом.

Кто-нибудь когда-нибудь обязательно должен упомянуть, что так он замаливает свои прошлые грехи. На их месте он упомянул бы. Жаль такую возможность упускать.

Ладно, замаливал или нет — вопрос десятый. В ответ он ждал честности и прозрачной бухгалтерии, чтобы потом не оказываться в ситуациях, подобных этой.

Заведующие других его подшефных детсадов честно и без обиняков признались, что у них под крылом матёрых специалистов по коррекционной психологии нет. А эта Лилия Сербина, видимо, разглядела в его запросе неплохую возможность подзаработать или получить какие-нибудь преференции.

Потому что поверить, что вот эта Надя и есть суперспециалист...

Девчонка, впрочем, боевая. Внешность обманчива. Не доверяй глазам своим, и всё такое. Но по сути это ничего не меняло. Даже пререкания с самим Булатовым автоматически не делали из тебя опытного психолога. Скорее уж наоборот — умные люди, у которых всё в порядке с инстинктом самосохранения, старались ему не перечить.

Наверное, всё-таки придётся расширять круг поисков, как бы ему ни претила сама мысль об этом. Но Сашке нужен специалист, а в зоне его влияния таковым, судя по всему, и не пахло.

Дамир вынырнул из своих размышлений, перестав сверлить взглядом дверь, за которой скрылись его странные посетительницы.

— Ладно, Смирницкий, не молчи. Делись своими впечатлениями.

Николай Палыч словно только и ждал, когда к нему обратятся — выглянул из-за кресла и остановился сбоку от стола, аккуратно опустив на его до блеска отполированную поверхность планшет, с которым почти не расставался.

— Если бы с твоим решением не было такой спешки и мы успели подготовить всё по правилам, можно было бы что-то говорить наверняка, а так...

— Говори хотя бы «а так».

— Ну хорошо. Времени у меня было немного, и на соискательницу я ничего криминального не нашёл. Из рабочей семьи, живёт где-то на отшибе, не состояла, не привлекалась. Отличница и примерный работник.

Вот этого мог бы и не упоминать. Очевидно же, что девчонка — божий одуванчик.

— Тут нужен более детальный анализ, но вот тебе пицца для размышлений. Сербина не так давно действительно отсылала её на какие-то курсы по психологии, обучение оплатила. Сертификат есть и, кстати, не один. Это не считая документов, которые Сербина из личного дела прилагала. Если она и врёт, то тут по крайней мере ложь, не шитая белыми нитками. В любом случае, копать нужно глубже.

Дамир в задумчивости потёр щёку. Вот даже как?..

— И если хочешь моё личное мнение...

Смирницкий выдержал паузу, дождавшись кивка от своего босса.

— Если хочешь моё личное мнение, то я думаю, тебе стоило бы попробовать. Ничего не теряешь.

— Это что-то из разряда «ну а вдруг»?

Смирницкий позволил себе улыбку:

— Что-то вроде того.

Забавно всё складывалось.

Вообще-то он и не подумал бы тратить своё время на подобные интервью. Усадил бы здесь кого-нибудь из помощников или даже вот, Смирницкого. Но, во-первых, разговор всё-таки шёл о Сашке. А во-вторых, ночь прошла без обычных кошмаров, утро выдалось до безобразия спокойным, даже скучным, и, видимо, поэтому он решил развлечься. А ещё всегда ценил людей, умевших его развлечь.

Откуда всё-таки Сербина выкопала эту Надю, только богу известно, но клялась, что второй такой во всей Москве не сыщешь. Не просто спорное, а откровенно ложное утверждение. Однако его позабавила не она и её отчаянные попытки выслужиться, отработать полученные деньги и повысить себе репутацию.

Конечно, не она. Её подопечная.

И всё же слишком удачно всё складывалось для начальницы и её подчинённой.

— Думаешь, её могли подослать? — Дамир поднял взгляд на помощника.

Пальцы Смирницкого застыли над планшетом.

— Теоретически...

— Само собой, — раздражённо прервал его Дамир, — но просто как-то всё гладко выходит. Одна-единственная претендентка — и, якобы, идеально подходящая.

— Дамир... с этим надо поосторожнее.

— Да не смотри ты на меня так, будто я её пытать собираюсь! Уже и на тебя столичные сплетни начинают действовать?

Смирницкий усмехнулся и, опустив планшет, покачал головой:

— Я просто считаю, что делать поспешных выводов не стоит. Всё может быть, конечно. Но мы либо принимаем правила игры, либо вообще в неё не лезем.

Дамир сжал правую руку в кулак и медленно опустил её на подлокотник кресла.

Смирницкий, конечно, прав — исключать ничего нельзя. Девчонку действительно могли к нему направить. Даже если выяснится, что она и впрямь специалист. *Особенно*, если выяснится, что она специалист.

Но если всё именно так, они хоть потрудились бы подобрать женщину по его вкусу. Он предпочитал жгучих брюнеток с роскошными формами. Опытных, умелых. А эта — совсем не его типаж. Это... какой-то ягнёночек.

Тонкая, хрупкая — того и гляди, пополам переломится. Глазищи эти голубые в поллица... Но стержень всё-таки есть. Хотя и странно представить, чтобы у такой девчонки была тяжёлая, мутная жизнь. Не похоже. Взгляд чистый, даже невинный какой-то. Если что-то такое у неё в жизни и было, то оно к ней не прилипло.

А предположим на секунду, что её и впрямь подослали. Тогда грех не воспользоваться возможностью, заставить поверить врага в то, что Булатов клюнул на живца. И поохотиться на охотника. Тем более что возможность сама шла к нему в руки.

Но Дамир чуял, вот просто нутром чуял: если согласится на эту авантюру, он с этим «ягнёнком» ещё натерпится. Сам собой включался инстинкт, который так и вопил: «Опасность!» Однако на выручку подоспело эго. Потому что когда это он бегал от опасности? Наоборот, он её приветствовал. Он бросал ей вызов. И побеждал. Всегда.

— Смирницкий.

— М?

— Зови их. Покончим с этим интервью и займёмся, наконец, действительно важными делами.

Глава 5

— Вы утверждаете, эта ваша Надя — большой специалист.

Мы с Лилей снова очутились в кабинете Булатова, и это уже начинало смахивать на какой-то балаган. Вдобавок мой потенциальный наниматель снова обращался к моей начальнице так, будто меня тут и вовсе не было, хотя я стояла прямо у него перед носом и он не сводил с меня глаз.

Я начинала ненавидеть этот взгляд. Меня будто сканировали, раздевали до самых костей, безо всякого спроса рылись у меня в душе, пытаясь выудить оттуда самые потаённые мысли.

Я и пары часов не была с ним знакома, а уже начинала искренне верить во все, даже самые безумные слухи, которые распускали о нём пресса и досужие кумушки обоих полов.

— Дамир Александрович, я могу со всей ответственностью вам заявить, что Надежда Белова — замечательный специалист. У нас в группе есть детки с... особенные детки, понимаете? К ним нужен особый подход. И только Наде удаётся с ними сладить. Ну как вам такое доказать? Я же и бумаги предоставила...

— Видел я ваши бумаги, — перебил её Булатов, продолжая сверлить меня взглядом. — Сейчас любые бумаги можно раздобыть. И я не утверждаю, что вы в подобном замешаны. Просто смотрю на ситуацию с разных сторон.

Это он сейчас на что намекает? На то, что я — пустышка? Аферистка? Шарлатанка?

И я уже открыла было рот, чтобы вопреки своему жгучему желанию получить эту работу послать Булатова подальше, как он снизошёл до объявления своей высочайшей воли.

— Так сложилось, что сейчас я ограничен во времени и поисковых ресурсах, поэтому я дам вам шанс себя проявить.

Я тут же закрыла рот, мигом проглотив все цветистые выражения, которые рвались с моего языка.

— Но шанс — это не гарантия. Хочу, чтобы мы друг друга поняли ещё на берегу.

Лилия, охотно взявшая на себя роль медиатора, закивала.

— Конечно, конечно, Дамир Александрович. Это... это более чем справедливо. Я ведь работаю с детьми уже больше двадцати лет. Я понимаю, какой это щепетильный вопрос и...

Моё внимание без особого труда соскользнуло с этого потока бесполезных слов. Во-первых, потому что и так понятно: Булатов не из тех, кто слушает кого-то, кроме себя, когда дело заходит о действительно важных решениях. А во-вторых, потому что он наконец-то соизволил покинуть своё роскошное кресло.

Он оказался куда выше, чем я предполагала. И даже в плечах теперь казался шире, хотя куда уж ещё...

И если раньше от него веяло лишь неким обещанием опасностей и неприятностей, то сейчас все мои внутренние радары вопили: «Беги! Беги, дура, иначе...»

А иначе что?..

На обстановку дома мои радары не срабатывали исключительно потому, что от многолетней безысходности и безнадёги их сигналы просто притупились. Наверное, если всю жизнь живёшь с воющей у тебя над ухом сиреной, рано или поздно просто к ней привыкаешь.

Но всё-таки когда Булатов вышел из-за стола, я ничего не смогла с собой поделать и отступила, попятилась, будто всерьёз опасалась, что он на меня накинется.

Идиотское ощущение.

Что ещё хуже — он это, кажется, заметил. Серые глаза едва заметно сузились, но он ничего не сказал, прошёл мимо и приказал следовать за собой.

Я зачем-то обернулась взглянуть на его помощника. Удивительно, но тот послал мне ободряющую улыбку и приподнял острый подбородок, без слов приглашая повиноваться и следовать за хозяином поместья.

У подножья парадной лестницы Булатов велел Лиле обождать, и мы продолжили путь вдвоём.

Я держалась как можно дальше от шагавшего впереди спутника и тайком осматривала проплывавшие мимо интерьеры. Когда я ещё побываю среди такой непередаваемой роскоши...

Нет, разок я нечто подобное всё-таки видела, когда была на экскурсии в Санкт-Петербурге. Мне удалось посетить Эрмитаж и дворец Юсуповых на Мойке.

От помпезных хором Булатова веяло чем-то подобным. А в воздухе витал едва уловимый запах дерева и полироля.

Поднявшись на второй этаж, мы свернули налево и вышли в широченный коридор с рядами дверей по бокам, остановились у второй по счёту двери, тоже слева. Булатов тихонько постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл, распахнул дверь шире. Очевидно, так приглашал меня следовать за ним.

Просторнейшая светлая комната, громадные окна, мебель под старину. В дальнем левом углу — целое хай-тек пространство с удобным рабочим столом, компьютером, телевизором, стереосистемой и массой других, неизвестных мне штук. В противоположном от него — царство мягких игрушек. Справа от двери — кровать и книжные шкафы от пола до потолка. Настоящее «государство в государстве», а его «правительница» сидела на встроенной в оконную нишу широченной софе и, подперев ладошкой щёку, смотрела в окно.

— Александра, привет.

Светловолосая девочка в голубом домашнем платье даже не обернулась. Булатов отреагировал на это, как на нечто само собой разумеющееся.

— Где твоя нянька?

Александра пожала плечами. Ну, хоть какая-то реакция.

— Надеюсь, она не выкинулась из окна от безысходности. В этом доме чёрт знает что творится, стоит только отвернуться, — пробормотал Булатов, обернулся и уже привычно полоснул меня своим серым взглядом. — Не стойте столбом. Зайдите и закройте дверь.

Я вздрогнула от его мрачного тона и без лишних слов повиновалась.

Господи боже, куда же я всё-таки попала?..

Глава 6

Булатов вышел на середину комнаты, расстегнул пуговицу своего пиджака и сунул руки в карманы брюк.

— Как у тебя дела? Ты уже пообедала?

Александра помотала головой, продолжая смотреть в окно. Выбившиеся из короткой толстой косы кудряшки заколыхались у щеки. Со своего места у порога я как могла внимательно осмотрела её с ног до головы. Не похоже, чтобы страдала от истощения. Питается наверняка нормально. Хотя судить, конечно, ещё рано.

Мне было очень неловко заговаривать о девочке в третьем лице, копируя манеру Булатова, но к Александре, видимо, смысла обращаться попросту не было. По крайней мере, пока.

— Как давно Александра в таком состоянии?

— Давно, — отрезал Булатов, не оборачиваясь.

Отлично. Далеко же мы так уйдём в нашем разговоре.

— Послушайте, если вы хотите, чтобы я помогла, вам придётся пойти мне навстречу, — трусиха во мне послушно пятилась, уступая место той, которая не терпела пренебрежительного отношения к делу.

Булатов безошибочно распознал перемену тона в моём голосе, повернул ко мне свой выразительный профиль, и я на мгновение пожалела, что мы не находимся в каком-нибудь другом, безумном мире, где абсолютно бесстрашная я попросила бы его не двигаться, а куда более доброжелательный он снизошёл бы согласиться. Для наброска мне потребовалось бы минут пять от силы. Нет ничего проще и приятнее, чем запечатлеть на бумаге красивых людей.

Моя давняя не воплощённая мечта стать художником до сих пор отыскивала максимально причудливые способы напомнить о себе.

— Как?

Его вопрос выдернул меня из водоворота странных мыслей, в который я с такой внезапностью угодила.

— Что?..

Булатов повернулся ко мне всем телом и с выражением такого недоумения на лице, будто ушам своим не поверил.

— Вы вообще ещё здесь? Или я уже могу начать переживать, что мне посчастливилось заполучить специалиста под стать пациентке?

Он меня совсем не щадил. Ощущение было такое, будто меня у всех на виду отхлестали. Причём за дело.

Я сглотнула и помотала головой. Честность, Надя, не забывай, про честность. Для него она критически важна — в этом ты просто не можешь ошибаться.

— Извините. Извините, я всё-таки волнуюсь. Вы никаких скидок мне не делаете, и это ваше право. Я просто хотела вас попросить быть чуть более открытым хотя бы в вопросе, касающемся вашей дочери. Потому что в противном случае я попросту не смогу помочь.

— Вы можете не шептать, — Булатов высился надо мной, каким-то образом умудряясь застлать мне весь белый свет. — Она всё равно никакого внимания на вас не обратит, даже если вы приметесь сальто крутить.

Ладно, попробуем ещё раз.

— Сколько длится это её состояние?

Булатов чуть наклонил голову, видимо, честно пытаясь припомнить, но ответил всё же уклончиво:

— Несколько лет.

Пусть. Хотя какое-то начало.

— Вы знаете, что послужило причиной?

— Да.

Знаю же, что не ответит, но всё-таки:

— И что именно?

— Это к делу не относится.

— Как раз относится.

Он поднял на меня взгляд и буквально впечатал им в пол:

— Трагическое событие.

Сердце у меня в груди так и кувыркнулось. Нахлынули непрощенные воспоминания из собственного детства. Нет, нельзя! Сейчас нельзя. Иначе утону...

— Ладно, значит, не скажете, — главное, говорить-говорить, чтобы зацепиться за реальность. — Оно перманентное или временами накатывает?

— Временами.

— То есть бывают и периоды активности.

Булатов кивнул.

— Общается, играет, интересуется окружающим миром.

Он подтвердил мои слова новым кивком.

— А потом — как отрезает.

— Да. Просто садится вот так и будто отключается.

— Вы врачам её показывали?

Булатов мрачно усмехнулся, будто именно этого вопроса и ждал.

— Показывал. И тут, и за рубежом. Я её по врачам в кругосветку возил.

— И ничего? — догадалась я.

— Физически она совершенно здорова.

— А что насчёт психологов?

Мой собеседник заметно помрачнел, даже ноздри раздул, стоило мне упомянуть психологов.

— У неё на них аллергия.

Вот так-так...

— Неудачный опыт, — пробормотала я.

— Она мне заявила, что удавится, если я её снова на сеанс поведу.

Я невольно уставилась на одинокую фигурку у окна. И у меня даже мурашки по спине побежали.

— Ей всего десять, — добавил он, чтобы дать мне основательно прочувствовать масштаб катастрофы.

— И вы решили...

— Обычная нянька ей не подходит, — Булатов не стал дожидаться, пока я подберу нужные слова. — Она для Сашки не важнее мебели. Мне нужен кто-то, кто смог бы не просто за ней приглядывать. Мебели у меня в доме и так хватает.

Я кивнула. Ничего не стала отвечать, а пошла мимо Булатова к окну. Сейчас я его исключаю из уравнения. И не буду на него отвлекаться, какой бы сложной ни казалась мне эта задача.

Стараясь обойтись без лишних движений, я присела на софу рядом с Александрой. Отсюда открывался великолепный вид на заснеженный сад.

— Здесь очень красиво, — и я искренне так считала, хоть, конечно, и пыталась завязать разговор. — А у меня из окна только соседний дом виден.

Александра молчала. Даже не моргнула.

Я не стала делать вид, что вошла в комнату, не зная её имени, и не стала тратить время на приветствия. Иногда эти формальности, особенно когда речь заходила о незнакомых взрослых,

работали как триггеры. И уж тем более не было толку разяснять ребёнку, для чего я здесь появилась.

— Меня Надя зовут. Я в детсаде работаю.

И снова — молчание.

— Александра — очень красивое имя. Сильное. Александры — самые настоящие боевые принцессы.

Я заметила, как её ресницы дрогнули, будто она собиралась скосить на меня взгляд, но вовремя передумала. Ага, значит, всё-таки не тотальная апатия...

— Я ведь не просто так говорю. У нас во дворе жила девочка Саша. Когда нам было по восемь, она нас всех спасла. Вот прямо по-настоящему. Я так и вообще считаю, что по-геройски. Знаешь, как?

Ноль реакции, ноль, но потом... едва заметное движение головой, мол, ну и как?

Меня это приободрило, пусть, предположим, мне этот жест и привиделся.

— Как-то летом мы сидели под старым большущим орехом во дворе, а из-под фундамента выползла толсте-е-енная гадюка. Вот такая! — я развела руки в стороны, и Александра, видимо, поддавшись рефлексу, таки скосила на меня глаза, чтобы оценить размеры чудовища.

— Ну вот, — продолжила я, — у нас даже старшие мальчишки растерялись. Вскочили и убежали, сверкая пятками. А Сашка схватила валявшуюся под орехом ветку и ка-а-ак треснула её по голове! И всё.

Светлые глаза наконец-то отыскивали моё лицо. В них стыл вопрос. Я сделала вид, что ничего особенного не произошло, пожала плечами.

— В смысле, прибила змею. Гадюки же ядовитые. Если бы кого куснула, не поздоровилось бы.

Александра смотрела на меня, будто пыталась решить, какую эмоцию выдать. Но я не стала ничего у неё кланчить.

— Александры — очень храбрые девушки, — повторила я. — Я это ещё с детства знаю. У меня вообще много про неё историй всяких есть. Как мы в заброшенном доме клад искали. И как озеро на спор переплывали. Как ловили крота на чужой даче. И как Сашка однажды с бобром на речке чуть не подралась. А ещё как на кладбище ночевать ходили.

Мой драматический шёпот под конец перечисления Сашкиных подвигов заставил Александру выпрямиться и на какое-то время забыть об окне.

Может быть, сейчас она видела перед собой взявшуюся из ниоткуда сумасшедшую, которая городила несусветную чушь. Но это совершенно не важно. Важно, что она *реагировала*.

— При первой встрече такие секретные вещи вообще-то не рассказывают, — покачала я головой. — Я только потому тебе и рассказала, что ты тоже Александра. Кто знает, может, вы из одного племени юных воительниц. Я бы совсем не удивилась. Вы даже внешне похожи.

Я поднялась с софы и улыбнулась:

— Ну, не буду отвлекать. Приятно было познакомиться. Если вдруг когда-нибудь захочешь узнать о других подвигах бесстрашной Александры, твой папа знает, как меня найти. С удовольствием расскажу.

Никакого волшебства я сотворить не могла. Особенно за одну мимолётную встречу. Особенно под надзором сурового родителя. И почти не имея никаких вводных данных. Не переполошила ребёнка, и на том спасибо. Я ведь понятия не имела, с чем придётся работать, когда входила в её спальню.

Я не отыскала в себе сил взглянуть на Булатова. Да мне и неинтересно было знать его мнение. А он и так всё слышал.

Я юркнула мимо него к выходу и уже схватилась за ручку двери, когда к месту меня пригвоздил тоненький детский голосок:

— А завтра... расскажете?

Глава 7

Сегодняшний день стопроцентно войдёт в коллекцию самых странных дней в его жизни. Таких, если подумать, наберётся, немало, но даже из такого длинного списка этот точно будет выбиваться.

Дамир смотрел на Саню, которая в ответ глазела мимо него — на схватившуюся за дверную ручку гостью. Он обернулся — кажется, девчонка удивилась не меньше, чем он. Улыбнулась Александре, пожала плечами и, лишь мгновение, поколебавшись, подняла взгляд на него.

— Боюсь, это не мне решать. Это нужно спрашивать у твоего папы.

Вот тебя и ягнёночек...

Кто она, мать её, такая? Подозрения поднимались в нём с новой силой.

Он повернулся к Александре:

— Что, понравилась история?

Она смотрела на него так, будто боялась ответить невпопад. Он ненавидел, когда Сашка так на него смотрела — будто действительно верила в то, что он мог как-то её наказать за неверный ответ. Да, может, пару раз она и становилась невольной свидетельницей проявления его крутого нрава, но он ни разу, *ни разу* за всё время, что она жила с ним, не позволил себе даже голос на неё повысить.

Видимо, таков был его крест — тащить на себе не только свои реальные грехи, но и те, что так охотно приписывала ему слепая и глухая к голосу рассудка молва.

— Мы обязательно решим этот вопрос. Дай мне минутку.

Он повернулся к двери. Девчонка, будто только этого и ждала, повернула ручку и исчезла за порогом, будто за ней гнались.

Совершенно не подозрительное поведение. Совершенно.

Как выяснилось, она и не думала дожидаться, пока он выйдет из спальни. Будто у неё внезапно появились дела поважнее. Может, она действительно не совсем в себе? Но разбираться ему было некогда. Время шло — другие дела поджимали. Куда более важные, чем гоняться за малахольной пигалицей.

Дамир без труда нагнал её у выхода на лестницу, схватил за руку повыше локтя... и его будто обожгло. Что за?..

Но вместо того, чтобы рефлекторно разжаться, его пальцы только крепче впились в её руку.

Таков уж был Дамир Булатов. Если встречал сопротивление, неизменно усиливал хватку. Девчонка заметно вздрогнула, подняла на него взгляд.

— Вам правила приличия хоть немного знакомы? — его начинала раздражать происшедшая вокруг сумятица. Она неминуемо вползала в его мысли и наводила хаос там.

— А вам? — огрызнулась она, выразительно опустил взгляд на сжимавшие её руку пальцы.

Смотри, какая дерзкая. Это, что ли, поэтому его от одного только прикосновения к ней словно огнём опалило?

— Я бы посоветовал вам снизить тон.

Кожа у неё на переносице сморщилась, будто она собиралась чихнуть, и Дамир только мгновение спустя сообразил, что так она злилась. Без пяти минут щерилась, будто попавший в капкан зверёныш.

— Что это было? — и он не сразу осознал, что этот вопрос относился не только к произошедшему в комнате Александры. Что за странная реакция у него на эту девчонку?..

— Что? — она не пыталась вырваться из его хватки, но будто окаменела.

— В спальне? Что это за приём? Какая-то особая техника?

К его удивлению её брови недоумённо приподнялись, а потом она усмехнулась, но совсем невесело — от этой усмешки веяло неприкрытой горечью.

— Какая техника? Вы разве не слышали? Я просто с ней говорила.

— Да, но она вам ответила.

— Вам стоило бы удивляться, если бы я её из комы разговорами вывела. А это... это вообще ничего не значит. Через минуту она может с такой же лёгкостью вернуться в свой кокон. Нет здесь никакого двойного дна. Я ничего особенного не сделала. Видимо, просто ситуация не настолько запущенная, как вы опасаетесь.

Он не опасался. Его это заботило. Булатов давно разделался со всеми своими страхами, и почему-то одна только мысль о том, что эта девчонка считает его хоть к чему-то уязвимым, вызывала необъяснимую досаду.

Нет, ему совсем не нравилось, как она на него действовала. Будто что-то в нём неуловимо сдвигалось, заставляя реагировать на всё по-другому. Неужели он настолько одичал в этой подмосковной глуши, что любой новый человек вызывал в нём либо стойкое отторжение, либо вот такие сюрреалистические по сути настроения?

И вместе с всеми этими совершенно неуместными рефлексиями продолжали крепнуть подозрения. Подозрения и чёткое понимание того, как он поступит.

Он разжал пальцы, отступил и даже рукой тряхнул, чтобы избавиться от странных ощущений.

— Спускайтесь. Мне нужно поговорить с Александрой.

Повторять не пришлось — он и моргнуть не успел, как «ягнёнок» бросилась от него прочь, и каблучки её сапог застучали по ступеням лестницы.

Он вернулся к Сашке, опустился рядом с ней на софу.

— Ну, что думаешь? Нужна тебе такая подруга?

Девчонка ошиблась — Александра всё ещё пребывала под впечатлением от их разговора. Она провела ладошкой по подолу своего голубого платья, старательно разглаживая морщинки. Стеснялась. Но стремление заполучить желаемое пересилило.

— Она красивая.

Неожиданное наблюдение. Впрочем, верное — он не стал бы отрицать очевидное.

— Да. Как кукла. И волосы на твои похожи.

— Как солнышко.

— Поэтично, — хмыкнул Булатов. — У тебя с эпитетами дела обстоят куда лучше, чем у меня. Ладно, понял, принял. А твою нынешнюю няньку пора гнать взащей — мы здесь столько проторчали, а она так и не появилась.

И пяти минут не прошло, как он спустился по парадной лестнице в фойе, где его уже поджидала Сербина. «Ягнёнок» куда-то запропал.

— Куда испарилась ваша подопечная?

— Она... её повели на кухню. Попросила стакан воды. Перенервничала.

Значит, умело это скрывала. Там, в коридоре она очень походила на Сашку из собственного рассказа и смотрела на него точь-в-точь как на опасную гадюку, которую следовало бы пришибить.

Правильно делала. Наконец-то в ней проснулось понимание того, с кем она имеет дело.

— Дамир Александрович, — Сербина, видимо, предприняла последнюю отчаянную попытку его дожать, понятия не имея, что решение он уже принял. — Вы, пожалуйста, не смотрите, что Белова так хрупко выглядит! Она очень сильная. И очень хороший специалист. Вы просто не ставьте на ней крест раньше времени.

Булатов сделал вид, что её слова заставили его задуматься. Выдержал паузу.

Он не просто всё решил, он уже знал, как минимизировать риски. Разделяй и властвуй. Теперь, даже если этот ягнёночек и скрывает под своим белоснежным руном волчью шкуру, этому перевёртышу будет сложновато оперировать в одиночку.

— Хорошо. Тогда вот вам мои условия. Я выплачу вашему детсаду щедрую компенсацию за то, что как минимум на время вы лишитесь такого бесценного специалиста. А вы сейчас отсюда уезжаете и больше не контактируете с вашей сотрудницей.

Сербина смотрела на него круглыми глазами:

— То есть вы её...

— Я её у вас покупаю.

Глава 8

Когда пальцы Булатова сомкнулись у меня на руке, я едва из одежды не выпрыгнула. В первые мгновения прилив паники был такой ошеломляющий, что у меня перед глазами всё поплыло.

Я никому не позволяла к себе прикасаться. Никому, никогда и ни под каким предлогом. Я не переносила объятия. Я держала дистанцию ото всех. И с некоторых пор любое случайное прикосновение вызывало во мне едва ли не приступ дурноты.

Потому что заставляло вспоминать другие руки — грубые, цепкие, жадно шарившие по моему телу. Страшные в своей безнаказанности... И ощущение полной беспомощности грозило утянуть меня на такую глубину, выбраться из которой я временами и не чаяла.

Булатов, конечно, не мог этого знать. А я не могла позволить себе расклеиться и окончательно «поплыть» под грузом жутких воспоминаний, особенно когда самым очевидным образом решалась моя судьба.

Сейчас я торчала на обширной, поражавшей своей монументальностью кухне и цедила из стакана вкусную, подкислённую лимоном воду, пока мимо меня сновали облачённые в белоснежную форму девчонки, меньше всего походившие на поварих.

Да у этого Булатова тут целая мини-империя — полностью укомплектованная штатом obsługi безразмерная крепость. Даже представить страшно, какими финансами нужно ворошить, чтобы жить на такую широкую ногу.

Такому богачу легче было бы какого-нибудь мозгоправа прямиком из Швейцарии выписать. Я-то ему на что? Он, конечно, упоминал о каких-то сложностях с поиском, но всё же. Ну и да, Сашина реакция на психологов... Наверное, это мне больше всего и помогло в нашей с ней беседе. На первый взгляд во мне никто психолога не заподозрил бы. Да я и не психолог в обычном понимании этого слова. Просто, наверное, нет худа без добра — собственные травмы позволяли мне безошибочно видеть чужие.

Как ни старалась я тянуть время, а пора бы возвращаться. Я опустила стакан на столешницу, поблагодарила одну из возившихся с распаковкой продуктов девчонок и уже направилась к выходу, когда на кухню ворвался худощавый темноволосый парень, чем-то неуловимо смахивавший на Булатова. Но если тот своими габаритами и повадками походил на мощную зверюгу, державшую себя в рамках исключительно из-за добровольного решения следовать правилам общественного договора, то этот незнакомец напоминал его изящную копию в юные годы.

Парень окинул взглядом кухню, видимо, не нашёл того, кого разыскивал, а потом его взгляд упал на меня. И я готова была поклясться, он в последний момент сдержался, чтобы не присвистнуть.

И подтвердил мои опасения, приложив руку к груди:

— Пардон. Не могу ошибаться. Вижу новое лицо. Верно ведь? Или я что-то пропустил?

Он подошёл ближе, упёрся ладонью в столешницу. На незнакомце была белоснежная рубашка и чёрные брюки. Видимо, в этом дворце все беспрекословно блюли дресс-код. Впрочем, интерьеры обязывали. Ходить среди мрамора и ценных пород дерева в протёртых трениках — это полный разрыв всех шаблонов и наверняка непоправимый удар для такого ценителя красивой жизни, как Дамир Булатов.

— Верно. Я здесь впервые. Надя, — я заученным жестом протянула руку.

Во время непростого периода социализации, когда приходилось смириться с тем, что во взрослой жизни от тебя ждут хоть какого-то проявления доброжелательности и интеракции, я, как в меру разумный пёс, приучила себя здороваться именно так. Это надёжно держало окружающих как раз на расстоянии вытянутой руки — моего комфортного минимума в общении с внешним миром.

Темноволосый юноша с готовностью пожал протянутую ладонь, в его глазах мелькнула усмешка.

— А я — Константин. Очень приятно. Вы, видимо, из новых девочек?

— Девочек? — к моим губам приклеилась вежливая улыбка, и я не спешила её прятать. Но всё-таки о чём это он?

— Правда, вы совсем-совсем не в его вкусе. Даже скорее в противоположном, если так можно выразиться.

— Простите, не уверена, что понимаю...

— Ну, вы из агентства же? Или как он сейчас женщин себе подбирает. Просто в последнее время он вроде бы в столицу к своей Милене мотается, но... я подумал...

Договаривал он уже скорее по инерции, потому что наверняка видел, как менялось моё лицо.

— Ой, — очень чётко произнёс мой собеседник. — Вы совсем не оттуда.

— Совсем не оттуда, — повторила я, переваривая информацию, о которой ну вот совсем не просила. Да на кой мне знать подробности интимной жизни Дамира Булатова?!

Перед лицом невольно всплыло веснушчатое лицо Марины — моей сводной сестры, которая за одну только возможность поговорить с кем-то, кто знал столь многое о жизни загадочного магната, наверняка без всяких сожалений рассталась бы с почкой.

Воистину бог даёт орехи беззубым. Но рассказывать ей о том, где я сегодня побывала и что слышала, не стану. Иначе она меня совсем заклюёт.

— Простите, бога ради! — раскаяние Константина звучало искренне, но заставить меня перестать задыхаться от смущения не смогло бы.

Впрочем, я помотала головой, с натушной улыбкой заверила своего нового знакомого, что ничего страшного не произошло, и поспешила прочь. Я очень надеялась, что трудившиеся на кухне девчонки не слышали наш разговор.

Господи, ну и день... После такого-то Лиля должна меня молоком угостить — за вредность.

Я вернулась в фойе, которое сейчас пустовало. Повертелась из стороны в сторону. Странно... Ну и куда она запропастилась? Может, на улице меня дожидается?

Моя сумка лежала в кресле у столика рядом с лестницей. Я подхватила её и побрела в противоположную от хозяйского кабинета сторону — туда, где высилась замысловатая клеть из резного дерева, куда по прибытии поместили нашу верхнюю одежду.

Ещё неизвестно, когда объявится хозяин, если вообще объявится. Может, нам его решение передаст затянутый в ливрею дворецкий — я бы уже ничему не удивилась. А памятуя о несносном поведении Булатова после разговора с Сашей... да не будет он больше тратить на нас своё драгоценное время. Это просто чудо, что мы вообще с ним пересеклись. Сейчас он уже, наверное, по уши в каких-то своих сверхважных делах. И тем лучше.

Кажется, события сумасшедшего дня начинали постепенно сказываться. Я уже не горела идеей тут оставаться, даже если это сулило мне переезд из дома. Кто знает, не поменяла бы я шило на мыло? Булатов... от одного его присутствия мороз по коже продирает. У этого человека внутри горел тяжёлый, страшный, багровый огонь. Чем конкретно горел этот человек, мне непонятно, но уж точно не любовью к ближнему. Один его статус отшельника чего стоил...

Впрочем, уходить по-английски я тоже не собиралась. Просто выгляну на крыльцо, чтобы проверить, не умудрилась ли моя начальница за это время решить вопрос без меня, как они с Булатовым уже пару раз провернули в его кабинете. Наверное, дожидается меня на улице, потягивает свой клубничный вейп и ворчит на мою недогадливость.

К слову, её пальто я рядом со своей одеждой не обнаружила — точно же торчит снаружи. Значит, мой вопрос давно решён и даже моего участия не потребовалось.

Натягивая на ходу пуховик, я поравнялась с охранниками, дежурившими у рамки, и больше не успела сделать ни шага.

— Извините, вы же Белова? Надежда Белова? — один из охранников приблизился ко мне, загородив собой выход.

Я непроизвольно напряглась, отступила.

— Да, я. Вы мою... мою спутницу видели? Черноволосую такую.

— Она уехала.

— Она... что?..

— Ваша спутница уже уехала. А вам выходить нельзя.

Я, конечно же, ослышалась.

— Извините, это... шутка какая-то?

Охранник смотрел на меня с невозмутимостью сфинкса и просто повторил:

— Вам выходить нельзя.

— Что значит... как это... почему?..

— Вы остаётесь здесь. Это приказ Дамира Александровича.

Глава 9

Прихватив с собой телефон и планшет, Дамир осмотрел свой кабинет и взглянул на часы. Чертежи ему сегодня не понадобятся, поэтому — на выход. Смирницкий уже давно в северном крыле, чтобы всё подготовить для их обычных послеобеденных работ. Они проторчат там до позднего вечера, и стоило убедиться, что до тех пор его присутствие больше никому не понадобится.

Да, и ещё проверить, как утрясли вопрос с их гостьей. Все детали он обговорит с ней позже — сейчас уже попросту некогда. Его распоряжение на пост у парадного входа давно передали, а Данил — один из его помощников — должен был объяснить ей ситуацию и сопроводить Белову наверх, показать её комнату.

Он, правда, и предположить не мог, что разбираться ему придётся куда раньше, чем планировалось.

Дамир распахнул дверь кабинета... и едва не натолкнулся на свою недавнюю «покупку». Девчонка отпрянула и опустила руку — наверняка собиралась постучать.

— Немедленно выпустите меня, — она едва не рычала, голубые глаза метали молнии. — Вы... вы вообще в своём уме?!

Надо же, у ягнёнка прорезались клыки и когти. Да ещё так быстро.

— Забавно. То же самое я собирался спросить у вас.

— Как вы... как вам вообще в голову пришло такое приказывать?! Мы что, в средневековье? Какое право вы имеете удерживать меня здесь?!

Такое. Обыкновенное. Назовём его правилом покупателя. Если Булатов в чём-то испытывал нужду, он просто приобретал это, позаботившись гарантировать себе, что приобретённое никуда от него не денется.

К тому же, она не могла не понимать, что его владения заслужили репутацию закрытого объекта неспроста.

— Мой дом — не проходной двор. Сейчас мне некогда обсуждать с вами все нюансы. Мы сделаем это позже. Данил должен был вкратце всё объяснить.

Она наморщила лоб:

— Данил? Какой Данил?

Ага. Это многое объясняло. Но совсем не радовало. Стоило этой странной Наде появиться у него на пороге, как весь его до минуты распланированный день летел к чертям.

— Оставайтесь здесь. Он вас отыщет. И всё объяснит.

— А вы, видимо, до такого не снисходите, да? Вы хоть понимаете, что я до сих пор сообразить не могу, что я вообще здесь делаю? Вы приняли меня на работу или нет? И почему моя начальница сбежала? Я будто в роскошный дурдом попала!

Чёрт. Дамир даже усмехнулся про себя. А ведь и верно — оказывается, он *настолько* одичал. Настолько привык, что его окружают лишь те, кто на него трудится.

Из-за всего произошедшего и до сих пор происходившего в жизни Булатова круг его знакомств давно замкнулся, и новые люди в него уже долгое время не попадали.

А тех, кто попадал, он приобретал и лишь по крайней нужде. Покупал как вещи. И до сих пор никто из них не жаловался, стоило им только взглянуть на сумму «покупки».

Но с этой Надей они пока никаких бумаг не подписывали.

Поправимо. Увидит количество нулей в договоре, тут же сменит гнев на милость.

— Мне некогда вам разъяснять. Давайте блиц-ответ: да, вы приняты. О начальнице своей забудьте. Остальное — за ужином.

Голубые глазищи превратились в настоящие блюдца.

— За... что? Погодите... нет-нет-нет, я так не могу!

— Я вам докажу, что можете.

— Да если бы я знала, что остаюсь здесь на таких драконовых условиях, я бы и на порог к вам не ступила!

— Поздновато об этом сокрушаться, не находите?

Она опустила взгляд и растерянно молчала, а он начинал всерьёз злиться — ситуация как-то сама собой страшно запутывалась. И где шляется этот хренов Данил, который должен был разложить ей все правила посещения и пребывания в этом доме по полочкам! Сегодня что, какой-нибудь ретроградный Меркурий приключился?

— Послушайте, я ни за что не поверю, что ваша начальница не посвятила вас в правила посещения этого дома.

Гостя подняла на него как-то мигом потухший взгляд.

— Она только сказала, что одно из основных условий — гувернантка живёт под вашей крышей.

Дамир мысленно застонал. Сербина — тупая курица, притащившая сюда постороннего человека, даже не удосужившись посвятить её в тонкости всей процедуры.

Может, зря он ей надбавку в финансировании пообещал?..

Но дело сделано. Поздно и бессмысленно об этом сокрушаться.

Булатов медленно выдохнул, стараясь помнить о манерах:

— Это она верно сказала. Вот бы ей ещё хватило мозгов рассказать вам всё остальное. Но незнание здешних правил не освобождает вас от обязанности их выполнять. Я не могу рисковать безопасностью всех, кто тут живёт, только потому что ваша начальница — дурочка.

Голубоглазый взгляд становился молящим. Нет, ей не стоило так на него смотреть. На него такое не действовало.

— Послушайте, но... но мне *очень* нужно домой! Там ничего о моей поездке не знают. Да и, в конце-то концов, я же должна собрать свои вещи. У меня же ничего с собой нет!

— Составьте список. Вам всё купят.

Она даже воздухом поперхнулась от такого поворота, замотала головой:

— Нет! Нет уж, спасибо. Да и дело не только в вещах. Мне нужно с матерью поговорить. У неё повышенная тревожность. Мой телефонный звонок её не успокоит, — и он успешно проморгал тот момент, когда её просьба переросла в угрозу. — Если я не приеду, у неё приступ случится. И тогда я ваше поместье до фундамента по кирпичику разберу, ясно вам? Или подожгу... или... или не знаю что сделаю!

Дамир мысленно присвистнул. Он смотрел на полыхавшую гневом едва знакомую ему девочку и — сложно было себе в этом признаться — всё-таки ушам своим не верил.

Она вообще понимала, с кем говорила? Она слышала столичные слухи? Она осознавала, что как минимум частично они попадали в цель, просто хотя бы потому что следовали простой истине — нет дыма без огня?

И пока он переваривал услышанное, она сделала очередной поворот на сто восемьдесят градусов:

— Приставьте ко мне кого-нибудь. Если вы так печётесь о своей безопасности или что там ещё, отправьте со мной... я не знаю... кого-нибудь из ваших головорезов! Шаг вправо, шаг влево — и пусть стреляет, или как тут у вас такие вопросы решаются. Но я прошу вас, дайте мне вернуться домой и решить вопрос с переездом по-человечески!

Если не считать драматического перегиба со стрельбой, она предлагала хоть и очевидную, но вполне рабочую схему. А у него не было времени продолжать их пикировку. И, к своему удивлению, он бросил:

— Идите. Идите, пока я не передумал.

Одержанная победа заметно её приободрила, но спустя мгновение просветлевшее было лицо вновь помрачнело:

— А... куда?

— Что «куда»?

— Куда идти?

О боже...

— На выход! — рявкнул он. — Вы разве не это у меня клянчили?

— Но... охранники на посту... меня же не выпустят.

Взгляд Дамира зацепился за сбегавшего по лестнице Данила. Явился, красавец... Его помощник крутил головой, наверняка, в поисках Беловой. Он ему эту голову за опоздание открутит.

— Ваш проводник, — Булатов ткнул зажатый в руке планшетом в сторону уже спешившего к ним помощника. — Данил, во-первых, у нас с тобой впереди серьёзный разговор. Во-вторых, смена плана. Подгони к крыльцу мой Масан. Барышня тебе всё объяснит. Ступайте.

Девчонка пробормотала благодарность и бросилась прочь.

Булатов провожал её взглядом, и ощущение неумолимо приближавшегося хаоса нарастало. Сейчас он будто смотрел в глаза самой бездне. И эта бездна странным образом манила. Словно хотела испытать его на прочность — в каком смысле, он понять пока не мог. Но уже точно знал, что встретил как минимум нескучного противника.

Он разблокировал телефон, выудил их журнала звонков номер Сергея:

— Выходи. Нужно человека в город отвезти.

— Понял. Через три минуты буду.

— Ты не просто кататься едешь. Пассажирку изучи. Только внимание к себе не привлекай. Потом доложишь.

— Понял.

Глава 10

Я выскочила на роскошное крыльцо Булатовской крепости, до сих пор не веря в то, что произошло.

Да я просто сумасшедшая... Я же на него почти орала! Как он после всего этого не схватил меня за шкуру и не вышвырнул из своих владений?

Куда там. Не только не вышвырнул. Распорядился подать мне авто и шофёра. И сейчас я не хотела раздумывать над тем, почему мой наниматель так поступил. Но я была предельно далека от мысли, будто его настолько впечатлило моё бесстрашие, что он отступил. «Отступил» — это вообще не про Булатова. Уверена, в его словаре это слово попросту отсутствует. Тут наверняка какие-то свои мотивы, и толку пытаться их сейчас разгадать, не было никакого

Шофёра звали Сергеем. Русоволосый здоровяк с внимательным взглядом развлекал меня в дороге всякими историями из жизни, за что я была ему несказанно благодарна — это позволило немного прийти в себя оттого, как быстро и, возможно, бесповоротно менялась моя жизнь.

А ещё наша беседа позволяла мне отвлечься от себя, от своего собственного решения принять все условия Булатова, невзирая на окружавшие наше пока что устное соглашение адские странности. Всё-таки я врала себе, когда пыталась примириться с его возможным отказом, пыталась смягчить удар перед неизбежным, мол, не получу работу, ну и ладно.

И я поняла это со всей ясностью, когда через полтора часа стояла на пороге родной квартиры и жала на звонок, чтобы не ковыряться в сумке в поисках ключей. Сергей поднялся вместе со мной, чтобы помочь с вещами. Он наотрез отказался оставаться в машине, хоть я его очень об этом просила.

Дверь нам открыл Стас — мой отчим с тех пор, как мне стукнуло двенадцать. Жуткий двухметровый бугай с массивным, выпиравшим лбом и чёрными злыми глазами.

Он посмотрел на меня, перевёл взгляд на Сергея и пробасил:

— Где шлялась? И это чё за хрен? Ты на работу там ходишь или по мужикам бегаешь?

Я бросила взгляд через плечо и коротко извинилась перед Сергеем. Собрала в кулак все свои нервы, толкнула отчима в бок, заставив его отступить вглубь квартиры. Получилось это лишь потому, что он не сопротивлялся:

— Не твоё дело. Заходите, Сергей. Я постараюсь собраться как можно быстрее.

Квартира была трёхкомнатной, и с двадцати лет, как только устроилась на свою первую работу, я отвоевала себе право на отдельный угол. С первой зарплаты врезала в дверь дальней спальни замок и жила, считай, отдельно от семьи.

И всё это время мечтала съехать на собственную квартиру, да хоть бы просто в комнату! Даже копить на это дело пыталась, но жизнь меня за что-то сильно невзлюбила. Со здоровьем у мамы становилось всё хуже, и очень скоро все свободные деньги уходили на препараты для поддержания её крайне шаткого психического состояния. На стационарное лечение средств не хватало, поэтому я, как могла, присматривала за ней сама.

Моя единоутробная младшая сестра Марина с этим никак не помогала, заявив, что она студентка и её дело — учиться. При этом я прекрасно знала, *как* она училась. В прошлом году за прогулы её едва не отчислили. Впрочем, я давно в её дела не лезла, сосредоточившись на собственном выживании и поддержании матери. Марина — взрослая, сама разберётся.

Открыв ключом дверь, я впустила Сергея, перехватив его любопытствующий взгляд.

— Долгая история. Ничего интересного. Присаживайтесь, — махнула на приставленный к столу у окна стул.

— Давай на ты, — предложил Сергей.

Я кивнула.

— Я тебе чаю заварю, пока собираться буду, хорошо? У меня печенье вкусное есть, — я открыла дверцу тумбочки, откуда из-за переезда всё равно придётся вытаскивать все свои запасы, вынула оттуда непечатую пачку шоколадного печенья, передала Сергею.

Мой новый знакомый будто впитывал в себя обстановку. Могу только представить, к каким выводам он приходил. И я его ни за что винить бы не стала. Люди, по жестокой воле судьбы жившие в этой квартире, меньше всего напоминали семью.

Чтобы не сильно заикливаться на постороннем мнении о моём необычном быте, я с головой погрузилась в сборы. На случай вожаемого переезда, который, я надеялась, рано или поздно когда-нибудь случится, я год назад купила вместительный чемодан и сейчас старательно утрамбовывала туда все свои вещи.

Сергей с удовольствием поглощал печенье, запивал его чаем и время от времени давал дельные советы по упаковке.

Управилась часа за полтора, обшарив каждый закоулок комнаты в поисках необходимого. Оказывается, куда-то переезжать — не такое уж простое занятие.

Оставалось самое сложное. Подхватив со стола опустевшую кружку, я прижала её к груди:

— Я тебе ещё чая налью. Пойду родне всё объясню. Ты если... — пальцы невольно впились в кружку, будто она была моим спасительным кругом. — ...если услышишь плач, не обращай внимания. Мама у меня... у неё... она может не очень-то просто воспринять новость о моём отъезде.

Сергей кивнул и, спасибо ему за это огромное, не стал донимать меня расспросами.

Мама сидела в гостиной, смотрела телевизор. «Смотрела», конечно, громкое слово. Зачастую он кое-как её убаюкивал, отгораживая от особо острых приступов экзальтации.

— Мам, — я присела на корточки перед диваном, погладила её руку. — Привет. А Марины нет? Она тебе хоть таблетки дала?

— Надюша пришла, — улыбнулась мама. — Марина ушла с час назад. Таблетки дала. Я выпила. А ты припозднилась, что ли?

И я не стала тянуть. Слишком нервничала и до странности отчётливо ощущала, как истекает время. Мне почему-то казалось, стоит мне помедлить с переездом — и Булатов передумает. Сейчас, дома, в окружении привычных обшарпанных стен визит в его поместье казался сплошной галлюцинацией, в которую слабо верилось. И только присутствие Сергея в моей спальне ещё как-то меня заземляло.

Я протараторила матери об отъезде, стараясь выставить его в максимально выгодном свете. Никаких минусов, сплошные плюсы — и сейчас, и в перспективе. До первой зарплаты буду мониторить ситуацию по телефону — обяжу следить за графиком приёма лекарств Маринку и нашу соседку по лестничной площадке. Она не откажет.

— Мам, понимаешь, какая это возможность? — я продолжала поглаживать её руку, с замиранием сердца ожидая реакции. — Лиля пообещала, что зарплата там о-го-го! Да я, может, уже через месяц смогу отдельную квартиру снять и сразу же тебя перевезу. Мне никак нельзя упускать такую возможность!

Мама смотрела на меня, будто пока до конца не осознала, о чём я ей рассказала, потом вдруг склонилась к самому моему уху и прошептала:

— А он знает?

Я невольно сглотнула, сдерживая дрожь.

— Нет. Ещё нет. Но я...

— Э! О чём шепчетесь? — громыхнуло с порога.

Мама отпрянула от меня и часто-часто заморгала. Я на секунду прикрыла глаза и осторожно выдохнула.

Начиналось самое страшное.

Отчим вальяжно привалился к дверной лутке и смотрел на нас, прищулив свои злые глаза. Накрытая моей ладонью мамина рука начинала мелко подрагивать.

— Стасик, да ни о чём. Ни о чём. Ты не подумай...

— Ну так чё, может, и я с вами тогда посекретничаю?

Я поднялась, выпрямилась, положила руку на задрожавшее материно плечо.

— Выйдем.

— С какого бы?

— С такого, что тебе объяснения нужны. Или нет?

Я не стала дожидаться, пока он растормозится, и отправилась на кухню. Стас догнал меня в коридорчике, сграбастал своей лапищей за плечо, развернул к себе.

— Ты чё творишь, малая? Я чё, думаешь, не слышал?

Грубая, будто неумело вытесанная из рыхлого дерева рожа склонилась надо мной, вызывая страшные воспоминания. Каждый раз. Каждый раз. За все эти годы я так и не смогла побороть в себе этот животный страх. Но умела его маскировать. И, может быть, сейчас, мне приходилось делать это в последний раз.

Господи, хоть бы в последний раз...

— У нас был уговор. Я тя не трогаю, ты живёшь смирно! Так? А сёдня чё творишь? Чё это за мужик у тебя в спальне? Чё ты там матери про переезд плела? Ты хочешь, штоп всё повторилось? Хочешь, штоп я свои обещанья нарушил?

Внутри меня всё обрывалось и валилась в чёрную пустоту. Но я ещё держалась на ногах, не корчилась, не ныла и не умоляла меня простить, как это было в последний наш подобный разговор. Когда я предприняла свою первую и последнюю попытку сбежать из дома.

— Я тя предупреждаю, малая. Попытаешься от меня сбежать, матери реально поплохееет. Ей и так всё хреновее и хреновее. Таблеточки твои не помогают.

— Убери от меня свои руки, — мой голос снизился почти на октаву. Я вообще редко узнавала свой голос, когда говорила с ним.

Не дожидаясь, пока он среагирует, я сама смахнула загребушую лапу со своего плеча.

Кустистые брови поползли вверх.

— Не понял... это чё за разговоры? — в чёрных глазах промелькнуло понимание. — А-а-а, я понял, я понял. Ты этого суда привела, штоп он со мной поговорил, да? Кто он? Хахаль твой? Мы ж договаривались, што ты никого себе не заводишь!

На роже Стаса вдруг заиграла глумливая ухмылка:

— Я ж этого твоего щенка тапком прихлопну.

— Этот щенок, — прошипела я, — водитель Булатова. А я — с сегодняшнего дня его гувернантка.

Я ждала этого момента много лет. Я и представить не могла, насколько сладостным он мне покажется. Увидеть хотя бы проблеск страха в этих жутких чёрных зенках. Плунуть ему в рожу что-нибудь такое, чтобы захлебнулся.

По бугристому лбу отчима поползли морщины:

— Ты чё несёшь? Ха-ха! Ты чё несёшь? Чё за бред? Булатова? Какого Булатова? Того самого Булатова?

И он заржал, хрипло и громко. Если этого человека можно было ненавидеть ещё больше, то сейчас именно это я и испытывала — ненависть буквально душила меня, ненависть пополам с ощущением своего полного бессилия. Но я не успела придумать, как его заткнуть. Это сделали за меня.

— Прошу прощения, — в коридоре возник Сергей с пустой кружкой. — Не хотел вмешиваться, но у вас всё в порядке?

Я готова была разрыдаться от облегчения. В присутствии отчима из меня будто всю жизнь высасывали, и на мгновение я даже позабыла, что в квартире я сейчас не одна.

— Всё в порядке, — я постаралась стряхнуть с себя невероятное напряжение, сковавшее меня по рукам и ногам.

— Чё за чушь она мелет?

Я невольно вздрогнула. Стас никогда не считался ни с правилами приличия, ни с нормами поведения. Как и любая тупая скотина, он понимал только силу.

— Не уверен, что понимаю, о чём вы, — Сергей сохранял вежливый тон, но я видела, как он весь подобрался, будто готовился по необходимости перейти от слов к делу.

— Да эта вот мне заливает, што ты — водила Булатова.

Сергей сунул руку в задний карман джинсов, вынул оттуда «корочку»:

— Ну почему же «заливает»? Я действительно состою на службе у Дамира Александровича Булатова. Желаете проверить документы?

От предложения сквозило такой неприкрытой иронией, что её даже Стас без труда считал. Его взгляд так и прилип к раскрытому удостоверению.

Вот тебе, гнида, получи!

Преодолевая дурноту, я склонилась к нему, стараясь, чтобы Сергей не услышал мои прощальные слова, и просипела:

— Я с матерью на связи. Если ты с ней... если с ней хоть что-нибудь... я попрошу своего начальника, и его люди тебя *выпотрошат*. Услышал?

Меня трясло от злости и напряжения, и я очень боялась, что это разрушит весь эффект. Поэтому я отступила и, подавив почти непереносимое желание спрятаться за широкой спиной водителя, пошла к себе в спальню.

— Сергей, поставьте кружку тут, на тумбочку. Стас уберёт. Идёмте.

Я заглянула в гостиную, крепко обняла притихшую мать и, утирая щёки, попрощалась. Мама, на удивление, обняла меня в ответ и, уверенная, что я не замечу, сложила свои тонкие белые пальцы в щепотку и перекрестила.

— Езжай, — прошептала. — Езжай. Всё будет хорошо, Надюш.

Ох, мама-мама...

Вечером я обязательно позвоню Марине, чтобы разведать обстановку. И соседке — она всегда заглядывала к нам по моей просьбе, когда мне приходилось отлучаться из города по учёбе или работе. И пусть мне только покажется, что её голос фальшивит...

Сергей закинул мой чемодан в багажник шикарного Булатовского авто, будто он ничего и не весил, а через четверть часа мы уже мчались по трассе прочь из города.

Какое-то время в роскошном салоне, обтянутом бежевой кожей, царил молчок.

— Слушай, зачем ты такое терпишь? — наконец спросил Сергей непривычно серьёзным тоном. Всякую лёгкость из его голоса будто выстудило вывшим за окном февральским ветром.

Я постаралась не отворачиваться к окну, чтобы не выглядеть невежливой.

— Долгая история.

— Ну, это я уже слышал. Дорога у нас тоже не сказать чтобы короткая.

Меня даже в жар бросило от одной только мысли, что я возьмусь кому-нибудь рассказывать...

— Нет, такое... о таком я не рассказываю.

Сергей помолчал и потом всё-таки добавил:

— Тебе следовало бы на него в полицию...

Я не сдержалась и тихонько фыркнула, оборвав его на середине фразы:

— Извини. Извини, я не хотела, просто... У него там связи. Друзья по службе. Он мне однажды это доказал. Хватило.

Сергей тихонько выругался себе под нос, но я притворилась, что не расслышала. Меня сейчас мучила одна очень страшная мысль.

— Сергей, ты... ты только, пожалуйста-пожалуйста, не рассказывай ничего Булатову, хорошо?

Господи, да он меня тут же взашей погонит, если узнает, что у меня за семейка... Надо ли ему, чтобы с его дочерью занималась такая вот девица? Тоже мне, психолог, а у самой проблем — вагон и маленькая тележка.

А если погонит, то все мои надежды заработать и сбежать наконец от этого урода рассыплются в прах. Более того, мне придётся вернуться домой, поджав хвост. И это после всего, что я ему сегодня наговорила...

Сергей молчал.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Я сама ему всё объясню. Попозже. Моя обстановка в семье никак не влияет на уровень моей подготовки. Я знаю свою работу и делаю её хорошо.

Сергей не отрывал глаз от дороги.

— Да я и не подумал бы, что это как-то влияет, — пробормотал он. — Просто я считаю, Булатову лучше бы знать. Может, он как-нибудь поможет.

Поможет. Да с чего бы этому сказочному богачу с замашками тирана мне помогать? Он же ясно дал понять, что готов меня терпеть исключительно ради дочери.

— Тем более. Нет, правда, я сама ему всё расскажу. Обещаю. Договорились?..

Я не очень-то надеялась, что Сергей пойдёт мне навстречу, но он помедлил с ответом всего пару мгновений и потом всё-таки хмуро кивнул:

— Договорились.

Краем глаза я заметила, что водитель всё-таки скосил на меня взгляд. Но что это могло значить, так и не поняла.

Глава 11

— Рассказывай.

Дамир протянул Сергею массивный стакан с плескавшейся о кубики льда янтарной жидкостью, захлопнул дверцу мини-бара.

За окном собирался вечер. Они со Смирницким выбрались из северного крыла с час назад — уставшие, но довольные промежуточными результатами. Поэтому усталость в счёт не шла — успехи в деле с лёгкостью её нивелировали.

До ужина время ещё оставалось, и почему бы не заслушать отчёт водителя. В конце концов ему с этой Беловой контракт подписывать. Нужно же хоть немного знать, кого собрался пригреть под своей крышей. Он и без того бешено рискует, приглашая в дом человека «с улицы». Если бы не Сашка, никогда на подобное не пошёл бы.

Дамир принял душ, переоделся и спустился в примыкавшую к кабинету библиотеку, где его уже дожидался «осведомитель».

— Рассказываю, — отозвался Сергей, сделал осторожный глоток и присел на краешек стола.

Дамир опустил в широченное кожаное кресло рядом с одним из многочисленных, тянувшихся от пола до потолка книжных стеллажей.

— Короче, там у неё всё странно.

Многообещающее начало. Дамир поднёс свой стакан к губам.

— В каком смысле?

— Да в любом. Семейка... хм... занятная. Живут в Печатниках. Панельная многоэтажка, трёхкомнатная квартира. Надя, её мать, сводная сестра и отчим.

— Живёт с родителями, значит?

Сергей хотел было что-то добавить, но потом словно передумал и просто кивнул.

— Да. Но она живёт как бы отдельно — в своей комнате.

— Что, не ладят?

Его водитель сделал новый глоток, покатал напиток во рту, мотнул головой:

— Там... как-то запутанно всё. Сложно с наскока разобраться. Но дружной их семью точно не назовёшь.

— Она что-нибудь сама тебе рассказывала?

— Ничего особенного. У матери какие-то проблемы с психикой, сестра-студентка. Отчим... с ним она не ладит.

Дамир медленно кивнул, усваивая информацию.

— Живут, значит, бедно? Район неблагополучный, никак не разъедутся...

— Можно и так сказать, — дёрнул плечом Сергей. — В квартире чисто, но ремонтом и не пахнет. На всём экономят. Техника вся очень старая.

Он не помнил цифр, которые ему озвучивал Смирницкий, но Сербина платила своей подчинённой не то чтобы много. Во всяком случае, по московским меркам. Да и по этой Наде несложно было заметить, что девчонка не шиковала. Выглядела... обычно. Дорогими духами от неё не тянуло, на лице — ни следа косметического «тюнинга». Одета аккуратно, но исключительно просто и совершенно неброско, будто с удовольствием слилась бы с обстановкой, если бы ей только позволили. Ей богу, монашка какая-то...

Будто мечтала стать незаметной. Но с такой внешностью ей это не грозило. Сашка верно её описала. И Булатов признавал это просто как факт. В *этом* смысле Белова его не интересовала.

— Значит, деньги ей действительно не помешали бы.

То есть — и пока чисто теоретически — она могла согласиться на любое предложение тех, кому выгодно втащить её под его крышу. Для девчонки это лишь вопрос цены.

— Ну, вывод верный, — Сергей наклонил стакан, и ледяные кубики мягко заклекотали друг о друга. — Ей бы отдельную квартиру снять. Чтобы жить по-человечески.

Булатов приподнял бровь.

— Откуда вдруг такая забота?

Сергей кашлянул, мотнул головой:

— Да так... жалко девку. Красивая же и очень неглупая.

— Ты же не знаешь всех нюансов. Может, её устраивает такой быт.

— Не думаю. Говорю же, семья недружная.

Дамир покосился на собеседника, с подозрительной задумчивостью изучавшего содержание своего стакана. Что-то тут от него ускользало.

Сергей говорил с едва скрываемой неохотой, будто кружил вокруг выдаваемой информации на цыпочках. Он явно знал больше, чем озвучил.

Что такого он мог услышать или увидеть, о чём теперь отказывался говорить?

— Ты же её за это не выгонишь?

— Что?

— Ну, за то, что у неё семья неблагополучная. Она-то тут ни при чём. Видно, что старается матери помогать, но у неё возможностей не так уж много. Это ещё мягко сказано, вообще-то.

Ого. Да у ягнёнка тут уже защитник появился. Она что, на Сергее какую-нибудь из своих секретных методик использовала или это так, сила личного обаяния?

Дамир прищурился и не смог полностью заглушить иронию в своём голосе:

— Наримов, осторожнее. Ты с ней пару часов пообщался, а уже записался в её рыцари?

И Сергей снова его удивил, не среагировав на подначку.

— Знаешь, иногда в жизни так складывается, что человеку просто не к кому обратиться...

Он не успел договорить — в дверь постучали, и в библиотеку вошёл Смирницкий, по привычке уткнувшийся в свой планшет.

— Сергей, добрый вечер.

— Здорова, Палыч. Как сам?

— Сегодня — как выжатый лимон.

— Что, заездил тебя начальник? — хмыкнул Сергей, отставив опустевший стакан на столешницу. — Ну, я-то в целом отстрелялся. Если что-нибудь ещё припомню, сообщу. Извини, что немного.

Булатов упёрся локтем в обтянутый глянцевої кожей подлокотник, качнул головой:

— Да нет, хорошо сработал. Тем более что поездка эта изначально не планировалась.

Когда водитель вышел, Смирницкий оторвался от планшета, и Булатов кивнул ему на раскрытые дверцы бара:

— Угощайся.

Помощник с готовностью отложил планшет:

— Ну и как успехи?

Булатов вкратце пересказал ему всё, что слышал от Сергея.

— Хм! — Николай Павлович прогулялся до окна, грея в руках свой стакан. — И что думаешь?

— Что она идеальный инструмент. Мотивированный как минимум. По крайней мере, я такую вероятность не отмечаю.

— Но Сергей за неё попросил? — с лёгкой улыбкой напомнил Смирницкий.

Булатов кивнул.

— Для меня это пока загадка. Говорю же, он чего-то не договаривает. Сергей. Мне. Представляешь?

— Должно быть, причина веская.

— Смирницкий, ты серьёзно? — Дамир не сдержал удивлённой усмешки. — Они пару часов знакомы. От силы.

— Кажется, ты недооцениваешь силу женского обаяния.

— Ох, прошу тебя.

— Дамир, каким бы циничным ни был твой взгляд на привязанности, люди естественно тянутся к другим людям. Нравится тебе это или нет.

— Ты что, предлагаешь мне поверить в сверхъестественную силу очарования этой... Нади?

Он произнёс её имя таким тоном, словно оно было ругательством. Как-то само так получилось. Он не планировал. Но не многовато ли Нади на сегодня? Каким-то образом весь его сегодняшний день крутился вокруг этой странной девчонки.

— Здесь нет ничего сверхъестественного. Она... милая.

И ты, Брут.

— Вместе посмеёмся над твоими словами, когда выяснится, что это дивное создание влезло сюда, чтобы шпионить.

Смирницкий тут же посерьёзшел. Над же, он ещё помнил, что *теоретически* такая вероятность существовала.

— Я тебя услышал, Дамир. Ну и... что мы будем с ней делать?

— Америку я тебе не открою. Поставим её под наблюдение.

— Выделить на это людей?

Он вдруг почувствовал странное неудовлетворение такой формулировкой. Приставить за ней кого-то следить... Он уже попросил Сергея, и что получил? Просителя в её пользу.

— Не надо, — услышал он собственный голос. — Сам за ней присмотрю.

Смирницкий обернулся и бросил на него удивлённый взгляд. Дамир в ответ приподнял брови:

— Что?

— Хм... Да нет, ничего. Как скажешь. Просто... будет ли тебе хватать на это времени? Вопрос резонный. Очень правильный вопрос.

Дамир влил в себя остатки обжигающего аперитива и припечатал стакан к подлокотнику:

— Как-нибудь разберусь.

Глава 12

Стоило мне снова переступить порог Булатовского особняка — и Данил от меня больше не отходил. Видимо, все тут очень боялись ослушаться приказов хозяина и всячески отрабатывали свои повинности, стоило им оступиться.

Светлая и оптимистичная перспектива вырисовывается — смена начальства у меня, видимо, прошла на отлично.

Сергей настоял на том, чтобы дотащить чемодан до моего нового обиталища. Как выяснилось, мне отвели комнату на втором этаже — третью от выхода на лестницу, сразу следом за комнатой Саши. Логично и удобно. Я всегда буду находиться поблизости от своей воспитанницы.

Данил вручил мне ключ-карту от двери.

— Вот, осваивайтесь.

— Спасибо, — я приложила карту к замку, отомкнула тяжёлую дверь и... на мгновение прилипла к порогу.

От открывшегося мне вида даже внутрь заходить стало страшновато. Комната была громадная! По размерам, кажется, не уступала Сашиной. Два широченных окна аркой, элегантная мебель светлого дерева, мягкий бежевый ковёр, широченная постель и... камин!

— Вы проходите, — предложил Данил. — Тут вот, в дальнем конце раздвижные двери — это гардеробная. А рядом — двери в ванную и санузел. Так, что ещё... климат-контроль, телевизор, ноутбук, телефон. В общем, всё в вашем распоряжении. Позже я вам покажу, где расположены помещения общего пользования — спортзал, бассейн, домашний кинотеатр и прочее.

Мамочки... у меня в память не влезал весь список роскошеств, умещавшихся в этом дворце.

Я осторожно опустила сумку на рабочее кресло у письменного стола, ещё раз оглядела комнату. Да в ней поместилась бы вся наша квартира...

Данил что-то листал в своём планшете:

— По расписанию у вас — ужин. Я перешлю вам наш распорядок дня, чтобы вы могли сориентироваться. Дамир Александрович предпочитает придерживаться графика, но не думаю, что он заставит вас чётко ему следовать. Это правило действует лишь для прислуги.

Как раз ко мне эти правила в первую очередь и относились.

— Буду вам очень благодарна. Извините, я немножко... потерялась.

Данил понимающе улыбнулся:

— Обживайтесь. Вместе с графиком перешлю вам план здания, открытые маршруты, информацию о персонале, мои контакты и прочие мелочи. Если что-нибудь вдруг понадобится — тут же набирайте. Я к вашим услугам 24 на 7.

— Спасибо вам огромное.

Данил кивнул и взялся за ручку двери:

— Вы пока отдыхайте. Ужин в восемь. Если планы изменятся, я вам сообщу.

Я растерялась. Полностью и безнадежно. Я и вообразить себе не могла, что где-нибудь кто-нибудь мог жить вот так. Иронично, конечно. Ты с этими людьми вроде и одним воздухом дышишь, а по всему выходит, что живёте вы в совершенно разных мирах...

Не сдержавшись, я обошла комнату по кругу, потрогала деревянные панели, мягкую обивку, пушистый плед-тарган на постели, присела на встроенный в широкую оконную нишу диванчик с целой горой декоративных подушек.

Вряд ли я когда-нибудь смогу к такому привыкнуть.

И понимание этого только усилилось, когда в начале девятого меня усадили за длинным столом в помпезной, отделанной тёмным деревом столовой. Хозяин, сменив костюм на менее формальные рубашку и брюки, занял место во главе. Меня усадили по его левую руку.

Выглядело и ощущалось всё это крайне неловко, потому что кроме нас и накрывавших на стол Алёны и Павла из обслуживающего персонала, в столовой больше никого не было.

Ни того самого Николая Павловича из кабинета, ни Саши, ни Сергея, ни Данила... ни, очевидно, сотни-другой остальных, обеспечивавших функционирование этого престранного места.

— Кого-нибудь ждёте к ужину?

Я перестал крутить головой, а явная ирония в его голосе заставила меня уткнуться взглядом в белоснежную скатерть.

— Нет. Просто не пойму, как в таком большом доме ужин накрывают только на двоих.

Булатов едва слышно хмыкнул:

— Временами тут бывает ещё менеелюдно.

Да уж. Не потому ли, что от такой-то компании у некоторых может запросто пропасть аппетит?..

— Мне... я просто где-то читала, что тут иногда проходят всякие закрытые ужины...

— Ну наконец-то! — голос Булатова так и засочился сарказмом. — Вы уж было стали меня разочаровывать.

Я подняла на него удивлённый взгляд.

— Слухи, сплетни, журналистские «расследования». Главный источник информации о затворнике Булатове. Обожаю этих людей. Благодаря им каждый раз узнаю о себе много нового.

Понятно. Больная тема. Зря я это ляпнула, зря её подняла.

— Я прессу не читаю. Телевизор не смотрю.

— Уверен, интернет этот пробел восполняет.

Мои бедные уши запылали. О всяких тайных сборищах, оргиях и закрытых ужинах чуть ли не масонской ложи писали как раз в одном из желтушных пабликов в соцсетях. Но я-то и узнала об этом только потому, что в один из вечеров прожужжавшая мне все уши о Булатове Марина зачитывала оттуда какой-то свежий «инсайд».

Но только что толку ему объяснять?

— От некоторых новостей и слухов просто некуда скрыться. Будто вы сами этого не знаете.

К моему удивлению, спорить он не стал. Вместо этого совершенно буднично поинтересовался:

— Что будете на ужин?

Я скосила глаза на колдовавших у рабочего стола «официантов». Тут что, господа ты боже мой, ещё и еда на выбор?

— Н-не знаю. Не думала. Мне совершенно без разницы.

Булатов едва заметно прищурился, обернулся, будто проверяя, что нам готовят, и предложил:

— Может, младенца?

Он проигнорировал мой шокированный взгляд, пожал плечами:

— Нет? Не желаете? Много теряете. Если судить по тому, что обо мне пишут, это моё любимое блюдо.

На этот раз я взгляд не отвела:

— Это просто отвратительная, чудовищная шутка.

В серых глазах горело тёмное гневное пламя:

— Разве? А я нахожу отвратительным верить слухам. Давайте сделаем друг другу одолжение — будем основываться исключительно на той информации, которую добудем друг о друге сами. Какой бы неприглядной она ни была. Это будет по крайней мере честно.

Так вот где у него действительно болело... От осознания того, что передо мной сидит, вероятно, не единожды раненый такими вот слухами человек, моё возмущение с поразительно быстротой сошло на нет.

Я опустила плечи, выдохнула:

— Справедливое предложение, Дамир Александрович. Я принимаю ваши условия.

— Очень любезно с вашей стороны.

И обязательно каждую свою реплику купать в таком количестве яда?..

На время мы оставили споры, потому что нас отвлёк ужин — выбор блюд и их дегустация, в процессе которой я с позором признала, что, наверное, готова терпеть даже настолько холодный приём, если меня всегда будут *так* кормить.

Ели мы в полнейшем молчании, и я очень надеялась, что ужин подействует на Булатова, как и на любого другого — заставит его хоть немножечко смягчиться. Потому что я пришла сюда не только набивать желудок. Уже завтра я собиралась приступить к своим непосредственным обязанностям.

Поэтому когда дело, наконец, дошло до десерта, я незаметно смерила своего собеседника взглядом и запустила пробный шар:

— Дамир Александрович, а что насчёт договора?

— Завтра. После восьми.

— Хорошо. И когда я смогу снова увидеться с Александрой?

Булатов указал Алёне на один из трёх одинаковых на вид чайников и, получив от неё в ответ кивок, повернулся ко мне:

— Спускайтесь к завтраку, и мы всё предметно обсудим. Данил ознакомил вас с графиком?

— Обещал мне его переслать.

— Отлично. Завтра приступайте.

Я кивнула. Ну хоть тут никаких возражений.

— И раз уж мы с вами договорились оперировать информацией, которую добудем сами, я прямо сейчас собираюсь использовать вас как источник.

— Использовать... — со странной усмешкой протянул Булатов, и его взгляд лениво заскользил по моему лицу, — формулировка не хуже других. Валяйте.

Я прочистила горло. В столовой вдруг отчего-то стало душновато, но я подавила в себе желание обмахнуть лицо салфеткой и постаралась не отклоняться от курса.

— Хорошо. Тогда... расскажите, где Сашина мама?

Булатов тянул с ответом. В серых глазах стыло что-то такое... мрачное. Нечто, что, должно быть, сложно высказать. Мне уже начинало казаться, что я повела себя откровенно бестактно, задав этот вопрос.

— Зачем вам знать, где её мать?

— Ну, это поможет мне лучше понять...

— Вы разве не слышали сплетни? — перебил он меня.

Я нахмурилась:

— Мы же с вами вроде бы договорились на сплетни не опираться. К тому же ничего такого в открытых источниках информации об этом нет. Более того, я только по дороге сюда узнала, что у вас вообще есть дочь.

— То есть до визита сюда вы мной не интересовались?

Мне посчастливилось успеть проглотить отпитый чай, потому что от такого вопроса я наверняка поперхнулась бы.

Булатов не мог не заметить моего замешательства, но и не подумал меня выручать. Он с каким-то садистским удовольствием наблюдал, как я заливаюсь краской.

— Это... это звучит как-то двусмысленно.

— Разве? Не находите меня привлекательным?

Господи... Да он же специально загоняет меня в угол! Пытается выбить из равновесия. Булатов до того не хотел отвечать на вопрос, что целенаправленно уводил меня от темы разговора. Тут крылась какая-то слишком болезненная тайна. Может, они с Сашей делили эту неназванную им трагедию на двоих?..

— Забавно, что вы спросили, — я встретила его взгляд. — Вы, безусловно, очень привлекательный мужчина. Очень. Но не в моём вкусе.

Его брови едва заметно дрогнули, будто мой ответ его позабавил.

— Я видел, как вы меня рассматривали. В кабинете. В Сашкиной комнате. Здесь.

Да, я понимала, что он меня провоцирует, но ничего поделать со своей реакцией на его слова не могла — жар грозил меня удушить.

— Профессиональный интерес, не более.

— Решили и у меня в мозгах покопаться?

— Я не о психологии сейчас говорю.

Он молча ждал, пока я продолжу.

— Рисовать люблю. И умею.

— Хм, — позволил он себе и поднял к губам свою чашку. Я последовала его примеру, чтобы промочить безнадёжно пересохшее горло. — Да вы просто кладёшь талантов.

Я ухватила за десертную вилку и, наконец, решилась попробовать предложенный к чаю шифоновый бисквит с ягодным джемом. Что угодно, только бы не закапывать себя в этом диалоге ещё глубже.

— Оставим в покое хотя бы на время мою скромную персону. У меня к вам встречный вопрос.

Я приняла его молчание за согласие и проглотила кусочек. К сожалению, я слишком нервничала, чтобы воздать должное десерту.

— Объясните, почему вы так спешно выставили Лилу за порог. Я с ней даже попрощаться не успела.

— А вы с ней большие подруги?

— Я вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

Булатов цокнул языком, явно признавая этот раунд за мной.

— Вы пока не знакомы с правилами этого дома. Одно из самых главных: эта территория закрыта от посторонних. Более того, я не приветствую активное общение с внешним миром. И предвосхищая миллион ваших вопросов: я не собираюсь во всех подробностях объяснять вам, почему. На то есть веские причины. Если вы слышали о взрыве на одном из моих предприятий, вы сможете сложить дважды два и понять, что это вопрос жизни и смерти. В том числе Сашкиной. Это достаточное основание для подобных радикальных мер?

После его слов мягчайший бисквит непостижимым образом заскрёб у меня по горлу. Я поспешила запить его чаем.

— П-пожалуй.

— Какое облегчение, что вы одобряете мою позицию по этому вопросу. Мой черёд.

Я качнула вилкой, мол, само собой.

— Почему вы с Сашкой о боевой девчонке заговорили? С чего решили, что это сработает?

Я пожала одним плечом, уставившись на свою вилку с наколотым на ней куском пирожного:

— У неё в спальне так много игрушек... и так мало кукол. Зато есть лук и стрелы, а на столе — фигурка Мериды.

Булатов свёл брови, очевидно, пытаясь сообразить, о чём это я.

— Ну, боевой принцессы из «Отважной». Мультфильм такой про шотландскую... Ладно, не важно. И с чего я решила, что это вы ей игрушки покупаете...

— Это ещё что значит?

Я вздохнула.

— Да то и значит, что этим должны заниматься вы. Вы же её отец. Стоит интересоваться, что ей нравится. И по возможности лично воплощать в жизнь её пожелания. А у вас-то, слава богу, этих возможностей... Впрочем, вы совсем не исключение. Многие состоятельные люди так делают. Перекалывают свои родительские обязанности на других.

— И многих состоятельных вы знаете?

Мне вдруг показалось, он с особым вниманием разглядывает мой наверняка непрезентабельный наряд. Он-то весь с иголочки, наверняка одна его запонка стоит больше, чем я за полгода зарабатываю. А на мне обычный свитер и почти новые джинсы. Но только не имеет он права даже намёком мне это в вину ставить. Бедность — не порок.

Честно сказать, эта мантра мне совсем не помогла, но по крайней мере помешала огрызнуться в ответ.

— Достаточно, чтобы вести собственную статистику.

Опустив правый локоть на стол, Булатов упёрся большим пальцем в подбородок и смотрел на меня не мигая. Его взгляд в который раз за этот вечер прокладывал по моему лицу замысловатый маршрут. Он будто и впрямь меня *читал*. Боже, до чего странный человек...

— Вот *настолько* внимательная к деталям.

— Это необходимость. Я должна узнать человека. Должна понять, чем он живёт и дышит. В противном случае помощник из меня никудышный.

Да что он на меня так смотрит? Что он там вычитывает на моём лице?

— Моя очередь, Дамир Александрович.

— Вперёд.

— Почему у вас такое прозвище?

— Чудовище?

— Нет.

— Синяя Борода?

— Нет.

— Отшельник?

— Нет.

— Зверь из загородного замка?

— Да нет же! Господи боже, они и *так* вас называют?

— И это только начало списка.

Внезапно для себя самой я рассмеялась. Нет, это... это правда было смешно. И очень неожиданно. Боже мой, Дамир Булатов умеет шутить... Как самый обыкновенный человек.

— И-и-извините, — мои плечи тряслись, и я безуспешно пыталась подавить свой, возможно, неуместный приступ веселья.

— Не извиняйтесь. В этом доме не так часто смеются. А у вас приятный смех.

От неожиданного комплимента я этим самым смехом едва не подавилась.

— То есть, хотите сказать, смеяться в вашем присутствии не будет нарушением правил?

— Это следующий вопрос? — серые глаза прищурились.

— Нет, нет, погодите, — я отёрла выкатившуюся из уголка глаза слезу. — Фух... Нет, я хотела узнать, почему вас называют Греком?

— Люблю цитировать Аристотеля.

Я невольно фыркнула, давая понять, что ни на гран не верю такому объяснению. Булатов в ответ пожал плечами и поводил пальцем вокруг своей чёрной бороды:

— Наверное, их, как и вас, смущает мой внешний вид.

И он почти попал в цель. Просто дело было не во внешнем виде. Меня само его присутствие смущало. Не понимаю, что со мной творилось. В начале ужина он меня пугал, злил, раздражал. Потом вдруг рассмешил...

Какие-то странные «качели».

Наверное, пусть бы и дальше рычал. В проблесках сухого юмора вдруг начинал проглядывать совсем другой человек. И от осознания, что мне так быстро довелось его разглядеть, в сердце словно игла вошла — тонкая-претонкая, опасная-преопасная. Что это было?.. Не могла же на меня так подействовать одна-единственная шутка.

Нет-нет, конечно, не могла. Просто всё это срабатывало на контрасте. Я не ожидала от этого хмурого отшельника такой внезапной смены линии поведения, поэтому и впечатлилась сверх меры.

Я украдкой подняла на него взгляд, но Булатов успел его перехватить, и я поспешно отвела глаза.

— Меня ваш внешний вид совсем не смущает. Смущает скорее... знаете, я просто не ожидала от вас такой...

— ...человечности? — предложил он с обманчивой вежливостью.

— Прошу вас, не портьте это впечатление, — вернула я «шпильку», но продолжить свою мысль не успела.

Двустворчатые двери, куда смотрел конец длинного обеденного стола, с драматичной медлительностью распахнулись — и в столовую вплыла затянутая в чёрное седая дама. Массивные перстни на длинных пальцах, пышная причёска волной, идеально прямая осанка. Она окинула нас взглядом и воскликнула:

— Дамир, какая беспардонность! В нашем доме гости, а я узнаю об этом последней?

Глава 13

Я во все глаза смотрела на гранд-даму, будто сошедшую с картины начала XX века. Никогда таких женщин в реальной жизни не видела. Только в фильмах, наверное, и на музейных портретах.

Не в состоянии отвести взгляд от женщины в чёрном, занимавшей место по правую руку от Булатова, я услышала его тихий вздох.

— И вам добрый вечер, Елена Сергеевна.

Дама внезапно подняла на меня свои чёрные очи и заговорщицки кивнула в его сторону:

— Слышала? Как будто ничего и не произошло, — повернулась к Булатову. — Добрый вечер, Дамир, добрый вечер. Приятного аппетита, и прочее, и прочее. Но как же всё-таки некультурно! Почему ты не пригласил меня на ужин?

— Может, потому что не планировал вас знакомить?

— Вот за что люблю своего племянника, так это за честность, — сообщила мне дама, кивком поблагодарив Алёну, поставившую перед ней блюдо с каким-то салатом.

Тётка, значит. А ведь они похожи. Тот же ровный хищный нос, те же соболиные брови, тот же благородный разворот плеч.

— Чтобы ты понимала, деточка, Дамир поселил меня в дальний угол южного крыла, чтобы я пореже шокировала здешних своей эксцентричностью. Это я стерпела. Потом он почти перестал меня навещать...

— Ты же знаешь, что я сейчас очень занят.

— ...перестал меня навещать, — проигнорировала она реплику племянника. — Предоставил меня самой себе и моим...

Дама щёлкнула пальцами:

— Как ты их там называешь?

— Сеансы сумасшествия.

— Моим сеансам сумасшествия. Думает, что так он отгородится от правды. От будущего. От...

Она вдруг замолчала, будто споткнулась о собственные слова, вгляделась в меня повнимательнее и повелительно произнесла:

— Дамир, где твои манеры?

— Что ещё вам от меня нужно?

— Представь нас, чтоб тебя! — она снова повернулась ко мне и демонстративно закатила глаза. — Мой племянник превращается в настоящего бирюка. Не в того горячего зверя, о котором строчат свои «расследования» озабоченные журналюшки из светской хроники. А в самого настоящего отшельника. Ну и куда это годится?

О господи...

Я сидела, уткнувшись взглядом в недоеденный десерт, и горела как кремлёвская звезда.

— Это Надежда Белова. Сашкина гувернантка с сегодняшнего дня.

Я подняла взгляд на даму и послала ей робкую улыбку.

— А это Елена Сергеевна Маврина. Моя тётка. Старшая сестра моей покойной матери.

— Очень приятно, — Елена Сергеевна с готовностью протянула мне свою унизанную перстнями руку. Я пожала её в ответ. На мгновение она задержала в своей хватке мои пальцы. Чёрные глаза вдруг стали внимательными-внимательными.

Наконец она отпустила мою руку, но глаз от меня не отвела.

— Как интересно... — пробормотала дама. — От тебя теплом, деточка, так и веет. Солнце, и всё тут. Хм... ты как-нибудь загляни ко мне, я тебе таро раскину.

Маврина бросила короткий, нечитаемый взгляд на племянника, и в уголках её красивых глаз собралось ещё больше морщинок, будто она спрятала там хитрую улыбку.

А я запутывалась в происходящем всё сильнее. Слишком уж много потрясений и необъяснимого для одного дня.

Впрочем, остаток ужина прошёл спокойно. Если это слово в принципе применимо к тому безумию, что творилось со мной весь день. Елена Сергеевна воздавала должное еде. Время от времени родственники обменивались «шпильками», но наблюдать за их пикировками было забавно, и я совсем не возражала, пусть не понимала и половины из того, о чём они говорили.

Под слоем наносного раздражения и язвительности чувствовалась настоящая, глубокая родственная связь. Что-то, чего у меня никогда и ни с кем не было, кроме мамы. Но в последние годы и она постепенно ускользала от меня, сдаваясь на милость своего недуга.

Я ещё долго не могла отойти от ощущения, что впервые за много лет оказалась на настоящем семейном ужине. Исключая меня, конечно. Поэтому вопреки всем странностям и загадкам вышла из столовой в приподнятом настроении.

Добравшись до своей спальни, не спеша распаковала вещи, достала свой старенький ноутбук и отыскиала на почте обещанные Данилом инструкции. Нужно бы всё это изучить перед первым рабочим днём.

Распорядок дня оказался не таким уж и страшным. Видимо, ближнему кругу Булатова всего лишь *рекомендовалось* собираться на завтраки, обеды и ужины. Исключительно по возможности.

Главное и самое жёсткое требование касалось передвижения за пределами поместья — его придётся согласовывать. Этот пункт я собиралась прояснить с Булатовым лично. Может, он соизволит пролить хоть чуточку света на тот самый «вопрос жизни и смерти».

А вот план здания преподнёс мне сразу несколько сюрпризов. Я открыла файл со схемой и долго пыталась сообразить, где что. И только спустя некоторое время до меня дошло, что план неполный. На карте отсутствовало целое крыло, и поэтому чертёж выглядел несимметричным. Мне даже пришлось соображать, прежде чем понять, как он соотносится с реальным зданием. Это во-первых.

Ну а во-вторых, я обнаружила, что моя спальня находилась почти напротив хозяйской... Пусть наши двери и разделял широченный коридор, но вот уж спасибо за соседство!

В попытках отвлечься от досадного открытия, я позвонила домой, чтобы узнать, как обстоят дела у мамы.

— Да всё с ней в порядке! — лихорадочно протараторила Марина. — Блин, Надя, я просто охренела, когда мне отец про тебя рассказал!

Этого следовало ожидать...

— Булатов?! Мать моя... Как, Надя? Вот просто ка-а-а-а?! А-а-а-а! У меня прям внутри всё переворачивается! Ты должна рассказать все всё-всё-всё, что видела.

— Марина...

— Ну гля! Я же вот пообещала тебе, что за матерью присмотрю. Ну пожалуйста! Ну ты же знаешь, как для меня это важно!

Как же мне хотелось высказать всё, что я думаю о её болезненной одержимости Булатовым. Её, её подружек, сокурсниц и прочих, кому не жаль своего времени на то, чтобы создавать целые сообщества в соцсетях, из-за которых этот человек, кажется, замыкался в себе ещё больше и ещё сильнее ненавидел весь белый свет.

Наверное, любой бы озверел, окажись он на его месте...

— Марина ты понимаешь, что она и твоя мать? И что ты не имеешь права меня такими вещами шантажировать? А что до Булатова, так он обычный человек.

Откровеннейшая ложь.

— Из плоти и крови. Деловой, серьёзный, занятой.

Язвительный, саркастичный тиран и просто бешеный магнит для женщин.

— В общем... нормальный, — подвела я итог и сама себе не поверила.

— А ты знала, что у него военное прошлое?

— Нет.

— Прикинь? Говорят, он то ли ЧВКшник бывший, то ли спецназовец, то ли в антитерроре служил.

— Так ЧВК, спецназ или антитеррор? — усмехнулась я. — Да вы, люди, хоть что-нибудь точно о нём знаете?

— А ты в курсе, что у него в поместье есть целое закрытое крыло, куда он никого не пускает?

Я невольно сглотнула, покосилась на чертёж здания.

— Знаю. И что?

— Да и то. Его же поместье не зря называют Замком Синей Бороды!

— Марина...

Но как бы я ни сопротивлялась этому абсурдному порыву, во мне начинали шевелиться мрачные сомнения. Слухи слухами, но из ниоткуда они не появляются.

— Ну не я это придумала, — подливала масла в огонь сестра. — Просто имей в виду. В том крыле вообще непонятно что творится. Мне такое рассказывали...

— Господи, Марина, ты хоть понимаешь, как это всё звучит? — не выдержала я. — Вы считаете его чудовищем, а сами с ума по нему сходите! У вас там всё с головой в порядке?

— Ну ты же видела, как выглядит это чудовище, — промурлыкала Марина.

И я не выдержала. Положила трубку.

Этот сумасшедший день должен закончиться, уступить место новому, может быть, чуть менее сумасшедшему. Ну пожалуйста?..

Однако жизнь продолжала испытывать меня на прочность.

Я проснулась далеко за полночь, и поначалу даже не сообразила, что именно меня разбудило. Просто лежала в незнакомой кровати посреди незнакомой, погружённой во мрак комнаты, и смотрела в потолок, слушая своё бешено колотящееся сердце.

Что могло...

С-с-с-сумп. С-с-с-сумп. С-с-с-сумп.

Вот оно! Где-то в отдалении, но всё же достаточно отчётливо слышались мерные глухие удары.

Подстёгиваемая страхом, я выбралась из кровати, прислушалась.

С-с-сумп.

Подкралась к двери

С-с-сумп! С-с-сумп!

Может, не стоило бы? Может, зря?..

Но пальцы уже схватились за ручку, и спустя мгновение я выглядывала в тускло освещённый настенными светильниками коридор. Всего пару шажочков наружу, чтобы оглядеться.

Вроде бы... вроде бы тихо.

С-С-СУМП!

И следом... низкий, утробный, протяжный стон.

— Ма-а-а-амчки! — взвизгнула я и, отшатнувшись внутрь, захлопнула дверь.

Глава 14

Утро встретило меня мрачным спокойствием пасмурного дня. За окнами валил тяжёлый мокрый снег, а я пыталась сообразить, что именно мне довелось пережить этой ночью. Без толку. И попытаться расспросить хоть кого-нибудь... не думаю, что мне, чужачке, тут же кинутся всё объяснять. Я ведь не о том, как пройти в библиотеку, собираюсь спрашивать.

Удары и стоны... звучало так, будто кто-то страдает, мучается. Вот бы ещё понять, где находился источник звука.

Из-за ночных волнений я встала слишком рано, поэтому перед завтраком отправилась побродить по коридорам, чтобы хоть немного познакомиться с местом, где мне в ближайшее время предстояло жить и работать.

Поместье Булатова всё-таки очень походило на своего хозяина. Строгое, выхоленное, бесконечно красивое какой-то непередаваемой суровой красотой. Как северные норвежские фьорды или готические храмы. И в этой красоте сквозила угроза. Беспощадная красота — вот как я бы её описала.

Долго гулять мне не пришлось — на телефон пришло сообщение от Данила, что меня ожидают в кабинете. И нет, не в малом кабинете, а в главном кабинете, на втором этаже, но в противоположной стороне от спален, рядом с большой библиотекой. Видимо, имелась в этом дворце и малая.

— Целый город в городе, — проворчала я, изучая присланный Данилом кусок карты с указанным пунктом назначения. — Может, они бы мне на первое время гида выдали?

В кабинете меня дожидался Булатов и какой-то бледный человек в костюме, его мне представили как юриста.

Ну да, само собой. Тут у него ещё и штат юристов околачивался. И чему я удивляюсь? В этом доме, наверное, если хорошенько покопаться, и радужного пони можно отыскать.

Булатов стоял у массивного письменного стола напротив окна — в белой рубашке и тёмно-серых брюках. Ноги широко расставлены, руки в карманах. И даже зная о его исключительной внимательности, я не сумела побороть свою старую привычку — окинула его взглядом художника. Исключительно удачно сложен. Божественно пропорционально, чтоб его.

На ум зачем-то пришли вчерашние Маринкины слова, и я поспешно отвела взгляд. Уселась на указанный мне стул, придвинула к себе документы. Да ни за что я их не подпишу, пока не изучу подробнейшим образом.

Меня никто не торопил. Мужчины хранили стоическое молчание, пока я шуршала страницами и перечитывала положения, которые не давались мне с первого раза.

А потом я дошла до суммы выплат. И этот пункт перечитала раз шесть, не меньше. Божечки, да я действительно через месяц смогу позволить себе аренду квартиры, притом не самой захудалой... Я не сдержалась и бросила недоверчивый взгляд на Булатова. Он наблюдал за мной с едва различимой усмешкой.

— Надеюсь, сумма вас устраивает?

Я снова перевела взгляд на бумаги:

— Вы тут, кажется, пару лишних нулей обронили.

Юрист, до сих пор, кроме слов приветствия, не издавший ни звука, громко хмыкнул.

— Вас смущает их количество?

— Я не ради их количества за работу берусь.

Он приподнял брови. То ли его удивили мои слова, то ли позабавили.

— Да неужели? А вчера вы совсем другое говорили.

— Я не это имела в виду.

— Точно?

Во мне начинала подниматься злость:

— Я ребёнку вашему хочу помочь.

— Ну а я просто так вас к этому ребёнку не подпущу. Хочу убедиться, что указанная плата замотивирует вас окончательно. Не позволит бросить дело на полпути.

— Да с чего вы вообще взяли, что я так поступлю?

Булатов пожал плечами, и ткань рубашки без труда обрисовала его внушительную мускулатуру.

— В няньках вы у неё не первая. Многие не выдерживали. Пугались. Уходили.

Мне совсем не к месту вспомнилось моё маленькое ночное приключение. Во рту пересохло.

Но эти воспоминания с лёгкостью затмило измождённое мамино лицо. Я мотнула головой, сосредотачиваясь.

— Не беспокойтесь. Я никуда не денусь.

Он указал подбородком на бумаги:

— Тогда не медлите. Подписывайте.

И я подписала. И странным образом почувствовала себя легче. Я совершенно не ощущала, что подписала приговор, скорее уж наоборот — гарантию. Или даже если не оную, то как минимум дарила себе шанс. Шанс на то, что оставлю весь ад своего прошлого позади. А это уже кое-что да значило.

— Как же я рада с вами познакомиться! — пухлая румяная женщина в опрятной серой форме по-мужски протянула мне руку. — Я слышала, что у нас новая гувернантка, но всё гадала, когда вы к нам заглянете.

Забавно, тётка Булатова поздоровалась тем же, самым удобным для меня жестом. Эти люди мне определённо подходили — рукопожатие будто окончательно скрепляло наше приятное знакомство.

— Надя, — коротко представилась я.

— Ирина Михайловна. Здешняя экономка. Присматриваю тут за всем, пока мужчины по уши в своих сверхважных делах.

Смешливые голубые глаза, жемчужно-седые, собранные в пышный узел волосы — Ирина Михайловна излучала доброту. Все мои сомнения и страхи отступили. Если в этом особняке заправляет такая женщина, он не может быть тем средоточием жестокости, страшных тайн и порока, каким его рисуют там, за пределами этих стен.

А ещё Ирина Михайловна варила умопомрачительный кофе. Она усадила меня за стоявший слева от входа широкий стол. Как оказалось, свой завтрак Булатов отменил из-за каких-то внезапно возникших важных дел, собираться в столовой не требовалось, и меня отправили на кухню, где я и попала в заботливые руки здешней экономки.

И пока я, приказав себе перестать удивляться, пыталась выбрать, что из обилия блюд на столе станет моим завтраком, моя новая знакомая отчего-то решила, что я до сих пор маюсь сомнениями. Очевидно, на эту мысль её натолкнул мой откровенно озадаченный вид, с которым я вообще-то и не расставалась, стоило мне переступить порог этого дома.

И с тех пор прошла как будто целая вечность.

— С Сашей вы обязательно подружитесь. Замечательный ребёнок. Тихая, добрая, славная девочка.

— Ага, то есть не в отца, — пробормотала я и запоздало сообразила, что ляпнула это вслух. — Кгм... простите.

Ирина Михайловна позволила себе удивлённый смешок:

— Это вы про Дамира Александровича?

— Ну да.

— Так он ей не отец.

Моя рука с зажатым в пальцах куском сыра так и застыла в воздухе.

— Что, простите?..

— А он вам разве не сказал? — голубые глаза округлились. — Нет, нет, Сашенька его приёмная дочь. Не родная.

Приехали...

Я опустила сыр на тарелку, пытаюсь включить эту новую, крайне важную информацию в общую картину.

— Так... погодите. Она... приютская? Сирота?

Ирина Михайловна замялась:

— Думаю, об этом вам не со мной разговаривать нужно.

Ну вот, можно выдохнуть. А то я уже переживать стала: несколько часов на ногах — и ни единой новой тайны.

— Понятно. Да, конечно, я обязательно поговорю об этом с Дамиром Александровичем.

Самодуром эдаким, решившим, что ему виднее, как мне работать с ребёнком, о котором я, получается, ничегошеньки не знаю, а то, что знаю, оказывается враньём.

— Мне как будто здесь и правда делать нечего, — пробормотала я, отхлебнув кофе.

— Почему вы так решили?

— Простите, — спохватилась я и покачала головой. — Просто... при первой нашей встрече Булатов спросил, как меня зовут. Я ответила, что Надей. А он сказал, что Наде здесь делать нечего.

Ирина Михайловна приподняла подбородок, давая знать, что уловила игру слов. Придвинула ко мне тарелку с венскими вафлями и с неодобрением покачала головой:

— Это у Дамира Александровича юмор такой. Он давно на себе крест поставил. Считает, что нет для него больше *надежды*. Понимаете?

По спине у меня почему-то пробежался неприятный холодок.

— Нет, если честно. И буду рада хоть какому-нибудь объяснению. Я вроде бы попала в частный дом, а ощущение такое, будто живу на засекреченном объекте.

— Боюсь, и здесь я вам не помогу, — вздохнула экономка. — Я и сама до конца причин такой секретности не знаю. Просто слеую правилам. И вам советую. Слушайтесь Дамира Александровича, и всё будет хорошо.

Да, вроде бы ничего сложного. Но меня такой ответ не устраивал. И я решила рискнуть ещё раз. В конце концов я слеую заветам хозяина — ищу правду сама и не полагаюсь на слухи.

— Спасибо за честность. Я постараюсь. Скажите, а кроме Саши... кроме Саши здесь нет никого, кому могла бы потребоваться моя помощь? Вы ведь знаете, что меня пригласили сюда не в качестве простой гувернантки.

— Знаю, — кивнула экономка. — А почему вы спрашиваете?

Ну, терять мне нечего. И я как могла обтекаемо и осторожно описала ей всё, что слышала сегодня ночью.

— Я не пытаюсь лезть не в своё дело, — поспешила добавить я. — Просто, возможно, я могла бы помочь...

Ирина Михайловна кашлянула, а затаившаяся в уголках её губ улыбка заставила меня почувствовать себя дурочкой.

— М-м-м, видите ли, Надя, Дамир Александрович... иногда он... м-м-м. Иногда к нему приезжают гости.

— Гости?

— *Гости*, — поправила меня экономка и сопроводила это слово выразительным взглядом.

— А-а-а... О-о-о-о! О, я поняла, — уши мои вмиг раскалились, и я спрятала лицо в кружке.

Значит, то, что я слышала сегодня ночью, было... было... ага, ясно.

Но какими бы жаркими волнами не омывали меня сейчас стыд и неловкость, я не могла избавиться от тишайшего шепотка, напомнившего мне, что стон, который я слышала, выдавал никак не страсть. Так мог стонать только тот, кто мучился от боли...

Глава 15

Нашей второй встречи я, если честно, немного побаивалась. Переживала, что мне просто очень повезло, и Александра обратила на меня внимание под влиянием момента. Но поняла, что ошибалась, когда объявившаяся на пороге кухни принцесса в яблочно-зелёном домашнем костюме помахала мне рукой, а потом будто смутилась своего жеста и спрятала руки за спину.

Я помахала в ответ, а Ирина Михайловна засуетилась, собирая своей юной подопечной завтрак.

До появления Саши я успела узнать ещё кое-что. Когда я, переборов таки смущение, решила раз и навсегда закрыть тему с гостями, пробормотав, что, кажется, Константин упоминал про девочек из агентства, выяснилось, что этому источнику можно верить. Костя был племянником Булатова, сыном его двоюродного брата, а Елена Сергеевна Маврина приходилась Косте бабкой.

Что ж, теперь я уже худо-бедно разбиралась в некоторых родственных связях своего нанимателя.

А ещё поняла, что экономка, на самом деле, души в Булатове не чаяла. Говорила о нём едва ли не с придыханием. Циник во мне пришёл к выводу, что такая любовь наверняка не в последнюю очередь обусловлена пресловутыми нулями в контракте.

Ну а даже если и так? Это в любом случае характеризовало моего нового начальника как человека щедрого, умеющего ценить и уважать чужой труд.

Едва успев накрыть на стол для Александры, Ирина Михайловна нас покинула — зазвонил один из многочисленных внутренних телефонов, по которому её вызвали куда-то наверх, и мы с Александрой остались одни.

Девочка ела с аппетитом, в тарелке не ковырялась, с едой не баловалась. Вела себя скромно, даже, пожалуй, чересчур. И теперь, когда я узнала, что она Булатову не родная дочь, такое поведение виделось мне закономерным.

Саша наверняка прекрасно осознавала, что он ей не отец и в чём-то даже копировала меня — не чувствовала себя здесь полностью в своей тарелке. Не было в ней ни следа непосредственности или раскованности. Ребёнок чётко понимал, что он не дома.

— Вкусно, правда?

Я подхватила с блюда очередную венскую вафлю и щедро полила её шоколадным соусом. Саша доедала такую же и время от времени украдкой посматривала на меня, будто предлагала первой начать разговор.

На мою реплику она кивнула, соглашаясь.

— Я уже три таких съела. Скоро лопну.

— Их ещё вкусно — с мороженым, — подала голос Саня, не поднимая на меня глаза.
— Которое как шарики.

— О-о-о-о, ну ещё бы! — с энтузиазмом подхватила я. — А ты с каким больше любишь? С белым? С шоколадным?

— С апельсиновым.

— Ого, а я апельсиновое, кажется, никогда и не ела.

Саша подняла на меня глаза, будто проверяла, не вру ли я. Такая большая, а апельсинового мороженого не ела.

— Правда, — улыбнулась я. — Ну, ягодное точно ела. Но чтобы чисто апельсин, не припомню.

— Я попрошу Ирину Михалну, чтобы приготовила. Она мне делает. И вам сделает.

Моё сердце пело от радости. А вместе с тем в душе начинало ворочаться сомнение, порождённое так и не вытравленным до конца синдромом самозванца. Да ребёнок же никакой не проблемный. Мне и стараться не приходится — она сама идёт на контакт.

Может, стоит сказать Булатову, что не обязан он мне такие деньжищи платить? Если всё что мне придётся делать, это просто общаться...

И раз уж об этом речь, то делать выводы пока рано. Надя, это чудовищно непрофессионально — что-то резюмировать, даже не попытавшись копнуть вглубь. Как раз общение и покажет, стоит ли мне расслабляться, или к настоящей проблеме я пока даже и не приблизилась.

— Значит, дружите с Ириной Михайловной?

Саша кивнула.

— Это здорово. Не знаю, что рассказал тебе... папа, но с сегодняшнего дня я живу у вас. Видимо, вместо вашей прежней няни.

— Да, он мне сказал.

Он. Надо бы проследить, как она его всё-таки называет. Кем она его считает. Потому что для меня вся эта история с отцовством пока выглядела очень запутанной.

— Надеюсь, ты не против.

Саша замотала головой, бросила на меня робкий взгляд.

— А вы не уедете?

В её взгляде сквозила такая недетская тоска, что у меня даже горло свело и пришлось кашлянуть.

— Нет, не планирую. А почему ты спрашиваешь?

— Ну... другие уезжали.

— То другие, Саша. Я никуда не денусь.

И, кажется, она мне поверила, потому что глаза её посветлели, а на лице едва-едва обозначилась улыбка.

— Знаешь...

Страшный треск оборвал меня на полуслове. Незнакомый мне парень, заносивший в кухню какую-то здоровенную упаковку, пошатнулся под её весом, и эта самая упаковка полетела у него из рук.

Саша молнией вскочила со своего места и... остолбенела.

Чертыхнувшись, я вылетела из-за стола и загородила собой ребёнка, пока из упаковки на пол во все стороны валились какие-то баночки — по виду, из-под специй.

В мои мягкие брюки по бокам мёртвой хваткой вцепились детские ручонки. Саша прижалась ко мне всем телом и тряслась.

Господи боже...

Парень, покраснев до корней волос, уже извинялся и собирал раскатившиеся по полу баночки. На помощь из соседнего помещения, где шли приготовления к будущему обеду, поспешил привлечённый шумом персонал. Я бы тоже помогла, но моим приоритетом была Саша.

Я осторожно накрыла своими ладонями окаменевшие в судороге кулачки, легонько их потёрла.

— Ш-ш-ш-ш, всё хорошо. Всё хорошо. Я тебя держу.

Тихонько надавила ладоням вниз, и кулачки разжались достаточно, чтобы освободить ткань. Я отпустила одну ручонку, повернулась и тут же опустилась на корточки. Обняла Сашу, дождалась, когда она обхватит мою шею руками, прижала к себе и принялась гладить её по спине.

— Всё хорошо. Я здесь. Я рядом. Я с тобой.

Итак, её пугали громкие звуки. Настолько, что это вгоняло девочку в ступор. Наверное, не ошибусь, если предположу, что это может быть как-то связано с теми самыми трагическими событиями, о которых упоминал Булатов.

Когда мне удалось немного её успокоить, усадить рядом с собой и уговорить сделать несколько глоточков чая, я всё-таки попыталась хоть что-то для себя прояснить:

— Сашенька, что тебя напугало? Звук? Слишком громкий? Страшный?

Я видела, как ручонки снова сжались в кулачки, но она всё-таки кивнула.

— А почему? Я хочу защитить тебя от таких вот страшных звуков. И если бы ты рассказала... хотя бы, что именно тебя когда-то напугало. Машина? Человек? Гроза?

Саша долго молчала. А потом едва слышно проговорила:

— Я не помню.

— Совсем-совсем?

— Совсем.

Ох-ох-ох-хо-хо... если она не сочиняет, то... частичная амнезия? Не исключено. Мог сработать защитный механизм. Мозг отсёк от сознания воспоминания о травме. Они, скорее всего, вернуться, но прогнозировать, когда, никто не взялся бы. Триггером могло сработать что угодно.

И я не знаю, почему мне пришло такое в голову. Может, вчерашние рассказы Марины, может, общее ощущение витавшей вокруг мрачной таинственности, но я заглянула в наполненные тревогой светлые глаза и спросила:

— Сашенька, скажи, это как-то связано с твоим папой? С Дамиром Александровичем?

Я готовилась прочитать ответ по невербальным признакам, хотя бы намёк на него. Но не пришлось. Саша кивнула, и моё сердце невольно дрогнуло. А потом едва не выскочило, когда над головой у меня распростёрся глубокий баритон Булатова:

— Что здесь происходит?

Глава 16

Я не могла и не стала бы общаться с Булатовым начистоту в присутствии Саши. Слишком уж многое предстояло в этом разговоре прояснить. Что я и дала ему понять, рискуя ухудшить его и без того не лучшее настроение. Впрочем, в благостном расположении духа я хозяйина дома пока и не видела.

Поэтому по распоряжению Булатова в кухню срочно вызвали Ирину Михайловну и оставили Сашу на её попечении, а я пообещала своей воспитаннице, что очень скоро вернусь.

Я оказалась права — Булатова совсем не обрадовала перспектива нового разговора со мной. Он пошагал из кухни в коридор, откуда свернул куда-то влево, и мы оказались в просторной галерее с окнами по одну сторону. Булатов пересёк галерею наискось, толкнул какую-то дверь, и мы оказались в бильярдной.

— Что, предлагаете сыграть партию? — брякнула я.

— Предлагаю вам поторопиться с объяснениями. Меня ждут дела.

Начало наших разговоров неизменно меня радовало... Но сейчас я не могла позволить себе роскошь почувствовать себя обескураженной. Некогда рефлексировать.

Я рассказала Булатову о случившемся и когда я описала ему Сашину реакцию на инцидент, он едва слышно выругался.

— Дамир Александрович, нравится вам это или нет, но я в который раз прошу вас пойти мне навстречу. Мне нужны ответы на вопросы. Ваши люди очень неохотно идут на контакт, поэтому, боюсь, вы остаётесь моим единственным источником достоверной информации.

— Мягко стелете, — пробормотал Булатов, явно продолжая раздумывать над тем, что я ему рассказала. — Что вы хотите знать?

— Почему вы мне не сказали, что она вам не родная дочь?

— Потому что это ничего не меняет.

— А для неё?

— Её я бы взялся спрашивать в последнюю очередь.

— Грубо.

— Честно. Или вам всё нужно окунать в сахарную глазурь, чтобы легче проглатывалось?

— Почему вы не считаетесь с её мнением?

— Потому что она многого в ситуации не понимает. Для её же блага. Хватает уже и того, что пережила.

— Вы взяли на себя её опеку, потому что... считаете себя ответственным за то, что с ней случилось?

— В том числе.

— Вы ведь знаете, что её пугают громкие звуки? Знаете, что у неё, возможно, отсутствуют воспоминания о произошедшем?

— Догадываюсь.

— Пытались с ней об этом поговорить?

Булатов молчал, уставившись в пространство. Я его не торопила.

Наконец он мотнул головой, даже не позаботившись удостовериться, заметила ли я. Впрочем, всё-таки добавил:

— Это было бы бесчеловечно.

Его немота на некоторое время передалась мне. Я отчаянно пыталась сообразить, куда повести разговор дальше.

— Вы боитесь за неё. Но *чего* вы боитесь?

Булатов бросил на меня уничтожающий взгляд:

— Я *ничего* не боюсь.

— Вы боитесь за Сашу...

— Прекратите повторять это слово! И не пытайтесь спровоцировать меня на излишнюю откровенность. Я обязался её защитить. Любыми способами и невзирая ни на что. И действую, руководствуясь исключительно этим принципом. Это вам ясно?

— А вам должно быть ясно, что я не могу ей помочь, если не знаю, от чего должна её избавить! Я понятия не имею, с чем мне работать. Дайте же мне хоть что-нибудь!

Булатов смотрел на меня почти исподлобья, будто боролся с самим собой, решая, насколько же я всё-таки достойна очередной подачки.

— Тот взрыв. На предприятии. Несколько лет назад.

Я кивнула, давая понять, что внимательно слушаю.

— Саша была там. В цеху. Так получилось.

Кажется, у меня даже рот приоткрылся от изумления. Господи... Да что ребёнок мог забыть в производственном цеху?!

— Н-не понимаю... Как... вы вообще чем там занимаетесь? Вы ведь оружие производите?

— Моё конструкторское бюро работает *в том числе* в сфере ВПК. Это далеко не только оружие. По большей части гражданка. Медицинская оптика, например. Но это к делу вообще не относится.

— Но ребёнок...

— Да не смотрите на меня так, будто там эксплуатируют детский труд, а я Сашку сдать туда собирался! — рявкнул Булатов, и я невольно вздрогнула от прорезавшейся в его голосе ярости. — То, что она там оказалась, было чистой случайностью!

Как и взрыв?..

Боже мой, до чего же всё оказалось запутанно. Я искала ответы, а нашла целый ворох новых опросов.

— Саша дала понять, что вы были там, когда... всё случилось.

— Да, я был там.

— И не успели её спасти.

Его голова дёрнулась. Булатов смотрел на меня так, будто я влепила ему пощёчину.

— Она здесь. Она жива. Я её спас.

— Да, но... не спасли от психологической травмы. И на вас он тоже повлиял, так ведь? Этот взрыв. Там что-то случилось...

Булатов мотнул головой, но не похоже чтобы отрицал сказанное. Скорее пытался отогнать болезненные воспоминания.

— Послушайте, не пытайтесь заодно и мои мозги вправить. Я вам напомню, у вас одна обязанность — Сашка. Ею и занимайтесь.

— Ею я как раз и занята. А вы не то что не помогаете, вы мешаете.

Чёрные брови изогнулись в гневном недоумении.

— Запутываете меня своей полуправдой, — пояснила я.

— А я могу настолько вам доверять, чтобы делиться с вами всем без разбора? Проповедуй я такой идиотизм, и вам бы сейчас не за кем было присматривать.

Его последние слова не оставляли простора для фантазии. И не похоже, чтобы он преувеличивал. Пусть я его почти не знала, но и так несложно понять, что Булатов не из тех, кто любит приукрашивать или драматизировать. Он предпочитал голые факты.

— Ещё что-нибудь? У меня важные дела. Я не буду торчать здесь вечно.

— Я понимаю, как вас это злит, Дамир Александрович, но вы кормите меня жалкими крохами. Мне нужно больше.

Он так и вцепился в меня своим взглядом.

— Надо же, какая требовательность. И едва ли не с порога.

— Это продиктовано необходимостью.

Он шагнул мне навстречу, и мой взгляд почему-то упёрся ему в грудь. Верхняя пуговица его белой рубашки была неосмотрительно расстёгнута, открывая поросший тёмными волосами участок загорелой кожи.

— Да бросьте. С вашего появления в моём доме ещё и суток не прошло, а вы уже требуете от меня наизнанку перед вами вывернуться. Появляетесь в моём доме, вся из себя невинный ягнёночек...

— Я вам не ягнёночек! Не смейте так меня называть!

В отместку его взгляд приковал меня к себе, и я до того в этот взгляд провалилась, что умудрилась пропустить момент, когда Булатов приблизился ко мне почти вплотную, открыто попирая все мои права на личное пространство.

Теперь его голос стелился совсем низко, со страшно обманчивым спокойствием:

— И этот *ягнёночек*, требуя открытости от меня, ни черта не рассказывает о себе.

Дыхание перехватило. Температура в бильярдной рванула под потолок.

— Это... это бред какой-то... я-то вам зачем?

— Откровенность за откровенность, например.

Этот проклятуший взгляд... я буквально кожей его чувствовала. Да как он это делал?!

— Да что угодно спрашивайте. Я вам врать не собираюсь.

— Хм... — его губы скривились так, будто улыбка пыталась изогнуть их без его на то спроса. — А чего *выбоитесь*?

Я не знала, какого вопроса от него ожидала, но сейчас, наверное, любой бы меня удивил. Однако я помнила золотое правило: что угодно, только не лгать.

— М-многого. Многого боюсь.

— Например?

— Т-темноты... иногда.

— Ещё.

— Змей.

— Ещё.

— Пауков. Вообще насекомых.

— Ещё.

— Не оправдать ожиданий.

— Дальше.

— Одиночества.

— Близости.

— Что?.. — я подумала, что ослышалась.

— Близости. Я будто рядом со статуей стою. От вас так и веет холодом.

И он не представлял, как точно попал в цель. И как больно. Я только сейчас ощутила, что все мои мышцы в узлы скрутило от того, что он стоял слишком близко.

— Видите ли, *Надя*, — он приблизил своё лицо к моему, — я тоже умею видеть людей. Мне для этого необязательно вытягивать из них всю подноготную. И что-то мне подсказывает, что секретничать нам с вами пока рано.

Я не должна... не имела права отступить. Он знал, как действовал на женщин. И он этим беззастенчиво пользовался. Сволочь.

— А в ваш светлый и острый ум не приходило, что подобное чутьё может давать сбой? — прошептала я в ответ.

Серые глаза уже привычно, почти по-хозяйски дотрагивались до моего лица.

— Я всегда оставляю место для сомнений.

— Знаете, очень на вас не похоже.

Уголки его строго очерченных губ едва заметно дрогнули, но он промолчал. Этим я и воспользовалась:

— Выводы по итогам нашего разговора я делаю неутешительные. Вам придётся решить, что в вас сильнее: желание помочь дочери или ваши подозрения на мой счёт. В крайнем случае вам вообще не стоило рисковать, приглашая меня в свой дом. Не находите?

И я совершила почти невозможное — отвела взгляд, будто с крючка соскочила. Развернулась и выскочила из бильярдной, не дожидаясь, пока Булатов придумает, как ещё меня оскорбить.

Но я ошибалась, когда предполагала, что лимит потрясений на сегодня будет исчерпан. С Сашей мы снова встретились за обедом, и я немного успокоилась, удостоверившись в том, что случай за завтраком на её желание общаться со мной никак не повлиял.

Вечер тоже прошёл тихо — я проверила, как обстоят дела с мамой, в который раз перечитала и пересмотрела присланные Даниилом документы, чтобы информация постепенно и прочно засела в моей голове, и, поужинав в компании Ирины Михайловны, отправилась спать.

Я почти убедила себя в том, что неудачное начало — не повод ставить крест на всём предприятии. И в первую очередь, конечно, стоило думать о Саше. Работать с тем, что есть, и продвигаться потихоньку. Ну и уж если придётся собирать информацию по крохам, вытягивая её из Булатова вот такими невероятными усилиями, то, значит, так тому и быть. В конце концов у меня были причины стараться.

И ко сну я отходила, кое-как убаюканная этими мыслями.

А после полуночи буквально подпрыгнула на постели, едва с неё не свалившись, — где-то совсем близко кричала женщина.

Глава 17

Крики совершенно точно неслись из коридора. Я пыталась нашарить в темноте выключатель ночника и потратила на это уйму времени. Я спала в этом доме всего вторую ночь — и обстановка пока оставалась для меня чужой, а сориентироваться в темноте, да ещё при таких обстоятельствах, вообще не представлялось возможным.

Не стук и не стоны. Совершенно не похоже, чтобы хозяин дома с кем-то там развлекался...

И шум снаружи как будто даже нарастал. Я метнулась к гардеробной, вытащила оттуда свой выдавший виды домашний халат и, дрожа всем телом от неминуемого прилива адреналина, трясущимися пальцами затянула пояс.

Старалась не думать и не давать волю фантазии. Впрочем, ни то, ни другое меня при всём моём желании не выручило бы.

Я подлетела к двери, распахнула её и без особых раздумий выскочила наружу.

Дверь хозяйской спальни по ту сторону коридора, чуть наискось от моей, была распахнута настежь. В спальне царил полнейший мрак, который казался ещё гуще на фоне горевших в коридоре настенных светильников.

Булатов, одетый лишь в чёрные пижамные штаны, выволакивал на середину коридора полураздетую девушку — совсем молодую, длинноногую, с роскошными тёмными волосами.

Я буквально приросла к порогу. Я понятия не имела, как реагировать на происходящее.

Булатов меж тем притянул девушку к себе и что-то прорычал ей на ухо — понятное дело, угрожал и наверняка требовал заткнуться. Девушка выла и выкрикивала что-то нечленораздельное. То ли пьяна, то ли...

Я начала действовать только когда эта inferнальная парочка почти поравнялась с дверьми Сашиной спальни. Девушка дёрнулась в последней отчаянной попытке освободиться, и меня будто обухом по голове огрело. Я бросилась ей наперерез и заслонила собой Сашину дверь.

Булатов заметил меня, на мгновение застыл. Девушка в его железной хватке продолжала извиваться. Бледная, дрожащая, с безнадёжно размазанным по лицу макияжем.

— Какого... возвращайтесь к себе! — рявкнул он, но больше ничего сказать не успел, а я не успела ничего ему ответить. В коридор со стороны лестницы ворвалась пара одетых в форму здоровяков в сопровождении Смирницкого.

Булатов бесцеремонно оттолкнул от себя девушку, которую тут же перехватила охрана.

— Вниз её.

— В кабинет?

— Вниз, — с нажимом повторил Булатов. — Всё что надо, я уже знаю. Вытаскивай из постели Селина. Вызывай полицию. Пусть оформляют.

Смирницкий наконец-то заметил меня, на его худощавом лице отразилось искреннее сожаление. Он хотел что-то сказать, но один из охранников отвлёк его внимание, а Булатов переключился на меня.

— Какого чёрта вы до сих пор здесь торчите?

Я продолжала заслонять собой дверь Сашиной спальни.

— А какого чёрта вы творите? — зашипела я в ответ. Страх со скоростью света переплавлялся в ярость. Я будто подпитывалась ею от Булатова, из которого она сейчас пёрла просто через край. — Вы совсем с ума сошли?! Саша, что, мало сегодня натерпелась? Сначала бедлам на кухне, теперь это!

— Это — моё дело!

— Затащить в постель очередную девицу, а потом выволочь её оттуда едва ли не за волосы? Постыдились бы вытворять такое! Прямо рядом со спальней дочери!

Булатов смотрел то на меня, то на Сашину дверь. Серые глаза под спутанными чёрным прядями прожигали меня насквозь. Мощная грудь, на которую я старалась на пялиться, ходила ходуном.

— Что вы прилипли к этой двери? Вы ей не мать. Можете так не усердствовать.

— Я за неё отвечаю, — ответила я ему в тон. — И судя по всему, мне придётся защищать её не только от прошлого.

Серые глаза буквально вдавили меня в дверь:

— Вы что думаете, здесь такое в порядке вещей?

Я невольно скосила глаза на рыдавшую девицу. Охранники растерянно мялись в стороне, пока Смирницкий, присев на корточки, что-то ей втолковывал. Я до сих пор не могла сообразить, что здесь происходило.

— Я ничего не думаю. Не в состоянии. Это... это просто дурдом какой-то. Что она натворила?

Булатов шумно вдохнул и медленно выдохнул, видимо, стараясь хоть как-то себя уравновесить.

— Этот дурдом, — проскрежетал он, — не вашего ума дело. Вы разучились понимать русский язык? Я приказал вам...

— Приказали? — вскинулась я. — Да как вы смеете? Вы кем себя вообразили? Я не ваша служанка и не ваша рабыня, чтобы вы мне приказывали!

Булатов смерил меня взглядом, будто оценивал, стою ли я сейчас вообще его ответа. И решил не в мою пользу.

Сильные пальцы клещами обхватили моё предплечье, и он дёрнул меня на себя, отдирая от двери, которую я с таким неистовством защищала. От неожиданности я почти потеряла равновесие и едва не повалилась на него всем телом — его вторая рука рефлексивно сжалась на моей талии, и я зашипела, будто получила ожог.

В серых глазах мелькнуло искреннее удивление, но сейчас он был, видимо, слишком взбешён, чтобы на этом заикливаться, подтолкнул меня в сторону моей комнаты. А потом его взгляд совершенно неожиданно зацепился за мой потёртый халат, губы скривились. Он обернулся и окликнул:

— Смирницкий!

Николай Павлович поднялся с корточек и, махнув охранникам, которые тут же подхватили нывшую девицу и потащили с глаз долой, обернулся:

— Да, Дамир Александрович?

Пальцы Булатова сжались на моей талии, и я невольно выступила вперёд.

— Когда решишь вопрос с этой недоэскортницей, распорядись обновить нашей гувернантке гардероб. Сам видишь, насколько всё плачевно.

Не дожидаясь моей реакции, он буквально впихнул меня обратно в мою спальню и захлопнул дверь.

Я осталась стоять в крошечной темноте — ослепшая и оглушённая. Отпечатки его пальцев на теле жгли мою кожу.

Глава 18

Они со Смирницким заперлись в библиотеке несколько часов спустя. Девку оперативно отправили в столицу — с надлежащим эскортом. За окнами ещё стояла темень, но скоро начнёт светать. И не то чтобы его сильно расстраивал такой расклад. Лучше так, чем кошмары.

— Как ты её вычислил? — Николай Павлович, уселся за хозяйский письменный стол, положил перед собой планшет и время от времени что-то на нём пролистывал.

Дамир опустил в кресло напротив, упёрся затылком в высокую спинку и прикрыл глаза:

— Это было несложно. Он совсем перестал стараться. Даже не пытался подложить под меня профессионалку. Эта — обычная потаскушка, которой наобещали золотые горы.

— Они пропихнули её через агентство?

— Да. Ну а как ещё? Он же знает, что я их не на трассе снимаю.

— Может, мы хотя бы на время приостановим эту нашу... охоту?

— А мне кажется, как раз сейчас начинается самое интересное. По крайней мере... он будто начинает терять терпение. Представь, она надеялась, что раздобудет информацию из моего телефона.

— Ты ей сам его подсунул? — догадался Смирницкий.

Дамир кивнул и потёр бровь.

— Мне, наверное, повезло, что я ненадолго отключился. А потом меня накрыло.

— Снова кошмары?..

Дамир кивнул:

— Почти наверняка подумала, что я обдолбанный. Хоть какой-то толк от слухов. Видимо, реально верила, что я употребляю. Стала пытаться выведать у меня информацию. Я продиктовал ей пароль.

Смирницкий тихонько фыркнул и покачал головой. Дамир скривил губы:

— Говорю же, он совсем разленился. Совсем перестал своих сучек натаскивать.

Смирницкий посерьёзnel:

— Дамир, раз вокруг твоего состояния начинают ходить такие слухи, это не есть хорошо.

— Пусть лучше слухи сочиняют, чем вокруг моего дома хороводы водят, тебе не кажется? К тому же, это заставляет его верить, что я теряю хватку. Он убеждён, что рано или поздно до меня доберётся. Нельзя останавливаться.

— Предположим... И всё-таки я думаю, тебе с твоими кошмарами нужно что-то делать. Это рано или поздно начнёт сказываться на всём.

Дамир поморщился:

— Не будем об этом. Не сейчас.

— Пообещай хотя бы, что подумаешь, — вздохнул Смирницкий.

— Обещаю. Доволен?

— Доволен я буду, когда твоё состояние улучшится. Ладно, что ты из неё в итоге вытащил?

— Имя заказчика, который якобы планирует продать какие-то наши разработки по линии обороны за рубеж. Но это пустышка.

— Почему ты так решил?

— Смирницкий, ну кто раскрывает исполнителю такую информацию? Нас пытаются сбить со следа, но делают это исключительно неумело. Вот как раз это и должно нас беспокоить. Слишком топорно. Нужно ехать в Москву, подключать офис Алабаева.

— Думаешь?

Дамир пожал плечами:

— Его ищейки — лучшие в своём деле. Посмотрим, что он сможет вытащить.

Смирницкий кивнул, занёс что-то в свой планшет. А потом его тонкие, почти изящные пальцы зависли над экраном, будто он задумался.

— Что там?

— С Беловой некрасиво получилось.

И обязательно было сейчас вспоминать эту занозу?..

Дамир скривился, но в мыслях против воли всплыли ещё свежие воспоминания.

Её буквально трясло от страха, но она защищала Сашкину дверь, будто львица. Просто испугалась шума или... боялась? Увидела в этой девице себя?..

Потому как поверить в то, что девчонка кинулась защищать Сашку, с которой едва знакома... Тогда приходилось бы признать, что в этом мире действительно живут нереальные средоточия доброты. Ну просто ангелы, бросающиеся на защиту всех, кого считают достойными оной. А он в такое давно не верил.

Дамир прислонил кулак ко лбу и костяшкой большого пальца потёр нывшую от напряжения кожу:

— Твою-то мать, нашел о чём заботиться. Эта Белова ни черта не разбирается в ситуации.

— Ты можешь её в этом винить?

— Я не могу с ней откровенничать. Это ты понимаешь? Не сейчас, когда *он* выжидает, чтобы нанести удар. И целиться будет в Сашку. Кому как не тебе известно, что он на всё способен. Будешь винить меня в том, что я не расстилаюсь перед гувернанткой? И что предлагаешь? Рисковать ребёнком ради того, чтобы не оставлять его няньку в неведении?

— Дамир, я знаю, как ситуация с Маргаритой...

Дамир открыл глаза, выпрямился в кресле:

— Не надо, Смирницкий. Не будем об этом.

— Ты же знаешь, что в этом не было твоей вины.

— Смирницкий, я предупреждаю...

Его собеседник поднял руки ладонями вверх, давая понять, что сдаётся.

— И я надеюсь, ты шутил, когда просил меня заняться её гардеробом.

— С чего бы это?

— С того, что твоя реплика была неуместна и оскорбительна.

— Оскорбительно то, что было на ней надето. Это нужно исправить.

Боже, до чего же убогий у неё гардероб. Да с таким телом нужно либо в шелка кутаться, либо вообще ничего не носить. Талия у девчонки... он и не помнил, когда в последний раз держался за такую талию. Кончики пальцев до сих пор будто покалывало от воспоминаний о прикосновении.

Неожиданно.

Странно.

Глупо.

И вообще-то легко объяснимо.

Это вечное напряжение и адский недосып. Кажется, действительно близок тот час, когда он сдастся и начнёт горстями пить снотворное. Что угодно, только бы дать себе хоть несколько часов передышки между напряжением реальности и ужасами ночи.

А всё-таки почему она *так* боится прикосновений? Реакция мгновенная, яркая и буквально на уровне рефлекса. Что, тоже какие-то травмы? Значит, в его травмах копалась бы с превеликим удовольствием, а свои скрывает, лелеет, таит.

Но его это не должно волновать. Ему и своих проблем хватает.

Вот бы ещё Надежда Белова считалась с его решениями. Дамир успешно похоронил свои планы выехать в столицу до завтрака, потому что пылавшая праведным гневом гувернантка

отловила его на пороге его собственной спальни и с плохо скрываемым сарказмом поинтересовалась, не соблаговолит ли он осчастливить её аудиенцией.

Дамир собирался послать Белову и её ехидство подальше, но рука буквально против его воли толкнула дверь соседней с его спальней пустовавшей комнаты, и он снова оказался наедине с клыкастым ягнёнком.

Глава 19

— Во-первых, и на этом мы закроем тему, не смейте мне больше пенять на мой гардероб. Голубые глаза, взиравшие на него снизу вверх, горели ледяным пламенем.

С козырей зашла.

Непрощенные воспоминания об их ночной перепалке будто только и ждали того, чтобы в сотый раз прокрутиться у него в голове.

Да какого чёрта?..

В Москве ему нужно увидеться с Миленой. Никогда ещё прежде наполненная риском и форс-мажорами жизнь его не заводила. Кажется, Смирницкий прав. Пора бить тревогу — возможно, это первые признаки серьёзных отклонений.

Дело *совершенно точно* не в девчонке. Хотеть? Её? Нет, в реальной жизни с психически здоровыми людьми такого не случается.

— Я вам на него не пеняю. Я вам его запрещаю.

Он почувствовал почти физическое удовольствие оттого, каким гневом полыхнули её глаза. Ему нравилось её дразнить?..

— Вы снова за своё, — она понизила голос, но в нём звучали нотки искреннего недоумения. — Но вы не имеете права решать, что мне носить!

— Имею. Своим внешним видом вы оскорбляете мой вкус.

О да, сейчас её глаза буквально *пылали*. Ни следа не осталось от кроткого ягнёночка. Живой огонь во плоти. Так и хотелось протянуть руку, почувствовать, насколько она горяча...

Твою-то мать!

— А вы оскорбляете мой.

Этой фразой ей удалось выдернуть Дамира из его странного транса. Она это о чём?.. Ах, о его «неподобающем» виде.

— Это в вас профессионал говорит? Фригидная женщина? Или просто лгунья?

Он не собирался так жестить, но поздно спохватился. Уже в который раз слова слетали с его языка безо всякого спроса.

— Фригидная?.. — задыхнулась она. Высокие бледные скулы с впечатляющей быстротой опалил румянец. — Да как вы смеете! Неужели вас так задело то, что вы не в моём вкусе? Представьте себе, не всякий сногшибательный мужчина сногшибателен для всех женщин. Смирнитесь!

— Очевидно, вкус у вас слишком избирательный. Или специфический.

— Прекратите это, — в её низком голосе зазвучала угроза.

— А что насчёт вашего *художественного* вкуса? — он и не подумал затыкаться. — Я и тут до ваших высочайших стандартов не дотягиваю?

Да, ему определённо доставляло удовольствие над ней издеваться. За то, что она, сама того не понимая, издевалась над ним. Какого чёрта она... такая?

Что в ней *вообще* такого? Почему ему есть до этого дело? Неужели его настолько поразило то, что она совсем не впечатлилась суммой в контракте? Остальные тут же принимались лебезить. Эта же нищая девчонка не гнулась и не ломалась.

— Вы сами знаете, что вы в идеальной форме, — огрызнулась она. — Хватит уже этих подначек!

— Почему вы краснеете?

— Да замолчите вы наконец! Я знаю, что вы делаете это специально! Только бы не говорить со мной о действительно важных вещах! Я просто поражаюсь... я думала, вы серьёзный человек, а вы... что вы вообще творите?

Она права. Нет, она действительно и на все сто права. Над ним дамокловым мечом висит страшная угроза, ему нужно лететь в Москву, усиливать наблюдение, безопасность, задействовать дополнительные ресурсы, а он забивает себе голову тем, как бы побольнее зацепить почти незнакомую ему девчонку.

Два дня. Он знает её два дня. Между незнакомыми людьми законы влечения так не работают.

Она не дождалась от него реакции, поэтому продолжила:

— Послушайте, мне совершенно безразлично, что у вас творится в личной жизни и кого вы таскаете в свою постель, но вам нужно думать о дочери. И чаще с ней общаться.

— Принял.

Она даже моргнула от удивления. Что, не ожидала от него такой сговорчивости?

— Очень надеюсь, вы сказали это не просто чтобы от меня отделаться.

— А это вообще возможно?

— Что?

— От вас отделаться. Потому что я бы с радостью. Мне нужно ехать.

И пламя, которое ещё мгновение назад её питало, погасло. Перед ним снова стоял кроткий ангел, от которого веяло стерильной вежливостью. Безмятежный и будто неживой. Недоступный.

Голубые глаза смотрели на него с полнейшим безразличием. Она отступила и потянулась к дверной ручке:

— Прошу прощения, Дамир Александрович. Не смею вас больше задерживать.

Он понял, насколько этот разговор выбил его из колеи, только когда ноги сами привели его в южное крыло. Он и не заметил, как сделал крюк, оказавшись во владениях своей тётки.

— Неужто совесть заела? — заслуженно получил он вместо приветствия.

Впрочем, тётка всмотрелась в него и кивнула:

— И заботы. Что стряслось? Ты же за советом сюда пришёл. По глазам твоим негодным вижу.

— Присмотрите за Александрой. Я уезжаю. В столицу. Ненадолго. Нужно утрясти кое-какие вопросы.

— Мог бы и не просить. Сам знаешь, что не откажу.

Он видел, что она потянулась за шкапулкой, в которой хранились её чёртовы карты, и ничего на это говорить не стал, но всё-таки предупредил:

— И прошу вас, не донимайте девчонку своими причудами. Я к ним привык, она — нет.

— Не бойся, — хмыкнула тётка, закатывая широкие рукава своего багрового шёлкового халата. — Она никуда не сбежит.

— Меня это не заботит. Я здесь никого против воли не держу.

— Ну да, ну да. А что ж ты и впрямь Солнышко-то своё не привёл? Я ведь обещала разложить ей карты.

Его брови поползли вверх:

— Солнышко?.. Елена Сергеевна, вы в своём уме?

Тётка принялась энергично тасовать свою увесистую колоду, из которой резво выскочила карта и приземлилась на матовую поверхность украшенного инкрустацией антикварного столика.

Тётка взглянула на карту, хмыкнула:

— Ах! Теперь понятно. И впрямь не Солнышко. Она — надежда.

Дамир невольно дёрнулся и против воли скосил глаза на столешницу, в центре которой лежала карта с обнажённой блондинкой на фоне ночного неба.

— Звезда. Светит всем, греет тебя. Звезда означает надежду.

Он помотал головой. Зря он сюда пришёл. Не стоило.

— Прекращайте весь этот бред. Вы же знаете, я терпеть не могу это ваше... сумасшествие.

Тётка хмыкнула, выложила следом карту с ярко-красным сердцем, проткнутым тремя мечами:

— Хм... а у Звезды-то сердце раненое. Боль у неё на душе. Большая.

Дамир невольно вспомнил, как она каменела, стоило ему к ней прикоснуться.

Следом из колоды выскочили новые карты:

— Четвёрка пентаклей. За кого или за что так держишься? Или карты мне твой обычный настрой показывают? Всё под контролем. Всё под колпаком. Смотри, а рядом десятка посохов. Ты устал, Дамир, от такой жизни. Она тебя выматывает.

— Контроль для меня — это норма. Я по умолчанию так живу, вам ли не знать?

Стремление к тотальному контролю, после того как он вернулся к мирной жизни, действительно стало его нормой. Рутинная, въевшаяся в его существование так, что уже ничем не вытравить. Это так же естественно, как проводить каждое утро в тренажёрке, работать, заботиться о Сашке, есть или спать. Спать... многое бы он отдал, чтобы вернуться к этой конкретной норме.

— Это десятка, Дамир. Продолжишь тащить на себе всю охапку, рано или поздно она тебе хребет переломит.

— Благодарю за прогноз.

— Остановись. Передохни. Полюбуйся звёздами, — она подхватила со стола карту с блондинкой и помахала ею у него перед носом. — Она — путеводная.

— Я не за раскладом к вам приходил, — процедил Дамир.

Он сухо попрощался со своей сумасшедшей родственницей и покинул южное крыло.

Сергей, Сашка, Смирницкий, теперь ещё и тётка... Что вообще происходит? Надя. Надя. Надя! Кругом эта Надя! Прошла всего пара дней, а ощущение такое, будто её уже пора выводить из его организма, будто яд.

По дороге к крыльцу он отзвонился водителю, а потом набрал знакомый номер.

Гудок. Второй. Третий, и томное:

— Привет.

— Привет, Милена. Ты сегодня в столице? Занята?

— М-м-м... а ты хочешь приехать?

— Сегодня буду в Москве.

— Тогда я в столице. И не занята.

Этот антидот точно сработает. Милена не ждала от него романтики, признаний в любви и пустых обещаний. Он не боялся к ней привязаться. Душевной близости между ними никогда и не было. Милена ценила его внимание, плевать хотела на сплетни и любила риск. И его это полностью устраивало. Хотела рисковать — её выбор. Но он сейчас рисковать не мог.

И чёрт знает, что творилось, но оставаться слишком долго под одной крышей с этой Надей сейчас почему-то казалось ему слишком большим риском. Риском откровенно неоправданным.

Глава 20

— Я должен попросить у вас прощения за произошедшее вчерашней ночью.

Мы с Николаем Павловичем оказались за одним обеденным столом — на кухне. У правой руки Булатова появилось свободное время, стоило тому укатить по своим делам в Москву.

— Не стоит, — улыбнулась я, воздавая должное сливочному крем-супу из шампиньонов. — Просто я немного растерялась. Ничего не поняла. А Дамир Александрович не счёл нужным ничего мне объяснить.

Я старалась, чтобы в моём голосе не слышалось упрёка, но судя по реакции Смирницкого, миссию свою успешно провалила.

— Надя, я не в праве посвящать вас во все тонкости, но... Послушайте, я попытаюсь объяснить, хотя бы ради того, чтобы у вас не складывалось ложного впечатления о происходящем. Подобные вещи позже и рожают все эти безумные слухи.

Я опустила ложку:

— Николай Павлович, не думаете же вы...

— Нет-нет-нет, ни в коем случае! Это я просто к тому, что в дурное поверить всегда проще. Такова уж человеческая природа. Дамиру в последнее время приходится очень нелегко. Он воюет против целой стаи шакалов, стараясь не упускать из виду тех, кто до сих пор прячется в тени. Недругов у него хватает.

— Я знаю, что он переживает о Саше.

— Безусловно. Она — его главный приоритет. Если с ней что-нибудь случится... — Николай Павлович покачал головой. — Ему сейчас очень нелегко. Очень. И все эти вспышки раздражения и гнева...

— Понимаю, — кивнула я. — В столицу он уехал по делам?

— Полагаю, не только. Он находит способы развеяться. В столице у него есть постоянная женщина. Это чтобы вы не думали, что он вот так запросто таскает в дом чёрт знает кого на глазах у дочери.

Я кашлянула и опустила взгляд в тарелку, непонятным образом раздосадованная тем, куда свернула наша беседа. Нет, это хорошо, что Смирницкий всё объяснил. Это... это правильно. Да я никогда бы и не поверила, чтобы такой мужчина, как Булатов, оставался без женщины. Смешно ведь даже подумать.

— И эта девица... Скажем так, она здесь не просто так появилась. И Дамир об этом знал. Если объяснять совсем просто, её подослали сюда шпионить.

— Он специально её пригласил? — догадалась я.

Смирницкий кивнул, нахмурился.

— Выглядело это всё... неприглядно, но уж как вышло. Дамир устал от такой жизни. Сам никогда в этом не признается, но это очевидно. К тому же у него проблемы со сном... Вот, уговариваю его обратиться к специалистам. Пока бесполезно. Не думаю, что он погладил бы меня по голове, если бы узнал, что я с вами поделился, поэтому оставим это между нами. Я просто хочу, чтобы вы знали, насколько всё серьёзно. И не винили его сверх положенного.

А вот мне казалось, что переборщить с таким в принципе не получилось бы, но я вежливо промолчала. Мне нравился Николай Павлович.

— Я понимаю. И мне очень жаль, что всё так складывается, — тихо отозвалась я, обдумывая услышанное. — Хотела бы я предложить свою помощь, но, боюсь, это без толку. Дамир Александрович ясно дал понять, чтобы я в его дела не лезла.

— Он упрям. Многое в жизни повидал. И никому не доверяет.

— Что только подтверждает мои собственные выводы, — сумрачно отозвалась я.

По всему выходило, что Булатов вынужденно и по веским причинам стал отшельником, но статус затворника только повысил его популярность. Эффект выходил противоположный тому, которого он добивался, но он ничего не мог с этим поделать.

Печальный результат для того, кому, возможно, жизненно необходимо уйти в тень, обезопасить себя, своих близких и свой бизнес.

В конце обеда Николай Павлович извинился за нелестную ремарку Булатова о моём гардеробе и... с сожалением резюмировал, что приказа начальника не можетслушаться.

И мне пришлось-таки принести эту жертву — убрать подальше свои старые вещи. Через пару дней из столицы приехала стильная некто, составила мне «базовый гардероб», сняла мерки и отбыла восвояси. А спустя неделю моя гардеробная ломилась от новой одежды. Наверное, стоило радоваться, хотя бы втайне, что в одночасье я стала обладательницей такого количества дорогущих тряпок, каких за всю свою жизнь не имела, но вместо этого я горела стыдом и гневом.

Я ему что, какая-нибудь софа или кресло из его мебельной коллекции? Не нравится, так мы его заново перетянем...

Но гнев мой быстро выдохся. Выплеснуть его по адресу я не могла — Булатов либо торчал в столице, либо в своём закрытом крыле и на глаза не показывался. Меж тем меня уже занимали другие мысли и задачи. Я планировала наши с Сашей активности и потихоньку присматривала съёмное жильё. С переездом придётся чуточку повременить — во-первых, я собиралась оплатить квартиру на пару месяцев вперёд, во-вторых, подкопить на сиделку. В новой квартире за мамой просто некому будет присматривать.

За последние две недели с хозяином дома мы пересеклись всего несколько раз. И я старалась не тратить понапрасну его драгоценное время — сразу переходила к делу, принявшись выпрашивать у него разрешение выбраться за пределы поместья.

И последний такой разговор закончился безобразной перепалкой.

Он наотрез отказывался выпускать нас на прогулку. И просто до умопомрачения меня доводил своим упрямством. Я, само собой, не сдержалась.

— Это просто уму непостижимо! Я что, ваша заложница? Я у вас в плену?

— Вы здесь по контракту! — прорычал Булатов. — Но если он вас не устраивает, катитесь ко всем чертям!

Нет, только не домой... Это даже хуже, чем жить под одной крышей с таким чудовищем.

— Ягнёночек передумал покидать адское логово? — серые глаза полыхали пламенем. — Воспитывайте Сашку. Ко мне не лезьте!

Я всем сердцем возненавидела его за прозвище, которое он мне дал. И за то, что оставался непробиваем. Булатов ясно дал понять, что не отпустил бы нас ни с телохранителем, ни с вооружённым отрядом охраны.

А потом он снова укатил в Москву. Последнее время он бывал там очень часто. Мы вообще прекратили видеться, и задышалось легче. Потому что мне сложно давалось наше общение. В его присутствии я продолжала робеть и теряться.

Наверняка потому что он намеренно меня злил. Других причин я не находила.

А потом позвонила Лиля.

И хотя тогда я этого ещё не знала, её звонок сдвинул дело с мёртвой точки. Но совсем не в том направлении, в которое я смотрела.

— Ты как в воду канула, — я до сих пор не могла поверить, что она таки перезвонила. — Я несколько раз тебя набирала, и тишина.

Лиля предпочла не отвечать на мои невысказанные вопросы. Её голос звучал устало и надломленно.

— Надя, ты извини. Есть определённые правила...

— В курсе, — буркнула я. — Булатов не поощряет общение с внешним миром без крайней необходимости. С матерью общаться позволяет, и на том спасибо.

— Прости, что я тебя в это втянула.

— Не извиняйся, — я смахнула ворсинку со своих новых бежевых леггинсов. — Мне поблагодарить тебя стоит. Зарплата и правда... я вот уже квартиру себе подбираю. Буду маму перевозить.

Лиля замолчала. Кажется, мои последние слова её очень смутили.

— Я... я рада. Я, правда, очень рада.

— Но?... — осторожно пригласила я.

— Но... Надя, я... я долго думала... Ты же уже понимаешь, что Булатов не просто так живёт закрыто.

— Да, кое-что знаю.

— И он не будет считаться с последствиями. Ни с жертвами, ни с потерями. Знаешь, он человек жёсткий...

Её голос начинал подозрительно дрожать, и внутри у меня всё постепенно леденело.

— Лиля...

— Я просто... Надя, я просто хотела помочь. Я знала, как тебе тяжело. Но мне кажется... мне кажется, тебе лучше оттуда уволиться, как только появится такая возможность.

Я совершенно не ожидала такого поворота. Да я ведь всего месяц тут проработала...

— Не думала, что услышу от тебя подобное... Ну... да, Булатов, конечно, не подарок, но... я не знаю, мы худо-бедно ладим.

— Ладите, — эхом отозвалась Лиля. — Да как можно ладить с человеком, который...

Ну уж нет, так просто она не отделается.

— Который?... Лиля, договаривай. Не смей вот так тормозить на полуслове.

Она вздохнула и с заметным усилием всё-таки продолжила:

— Знаешь, что он мне сказал, когда выпроваживал из своего поместья?

— Ну?

— Сказал, что он тебя... покупает.

Глава 21

Первые пару дней я буквально на стену лезла от невозможности высказать Булатову всё, что о нём думала.

Купил! Это вообще кем надо быть, чтобы заявлять подобное? Вот так, без обиняков. Мол, смотрите, могу себе позволить. Швырну в неё деньгами, она и не такое проглотит.

У-у-у-у, ненавижу его! Ненавижу до того, что просто трясёт!

Я носилась с этим неприглядным открытием, будто насадка, не в силах никому поплакаться на несправедливость. А Булатов пропадал в своих столичных разъездах и домой не спешил.

Мучилась я со своими обидами, впрочем, недолго — мне стало резко не до себя любимой, потому что в один из обычных сонных дней, когда, казалось бы, ничего не предвещало, я обнаружила себя в мчащемся по трассе авто с испуганной Сашей на руках...

После завтрака я засела в детской, чтобы подробнее познакомиться с Сашиними игрушками и книгами, а моя подопечная лениво клацала пультом, пытаясь отыскать по телеку хоть что-нибудь интересное.

Отвлеклась я только, когда пульт грохнулся на пол, из динамиков вырвался характерный грохот, а Саша придушенно вскрикнула.

Я обернулась. По здоровенной OLED-панели расплзался багровый «гриб» взрыва из какого-то боевика. Саша с ногами забралась на софу и не сводила глаз с экрана.

Чертыхнувшись, я подхватила пульт, вдавила красную кнопку. Экран потух.

Но ситуацию это не спасло. Сашку вдруг затрусил, и я бросилась к ней, подхватила на руки. От прилива адреналина даже веса её не почувствовала.

Господи, да кто ж разрешил подпускать её к телевизору? Неужели никто не знал, что может случиться? Все эти хваленые специалисты...

Нужно... нужно вызывать кого-то. Врача. Кого-нибудь.

Не может быть, чтобы с ней такое в первый раз. И почему я-то, идиотка, не догадалась поинтересоваться у Булатова, прописаны ли его дочери какие-нибудь препараты на такой вот случай!

Какое-то время я баюкала Сашу на руках, а она уткнулась мне в кофту и тихонько всхлипывала. Её уже не трусило, но мне от этого спокойнее не становилось.

— Саша, послушай... мне, наверное, нужно разыскать Ирину Михайловну. Или Елену Сергеевну.

Точно. Тётка Булатова вообще производила впечатление всезнающей. Она регулярно нас навещала, сидела с Сашей и развлекала меня тем, что отпускала по поводу племянника исключительно проницательные замечания.

— На улицу. Хочу... на улицу, — пролепетала Сашка.

Я больше ничего не стала у неё спрашивать. Ребёнку требовался свежий воздух. Поэтому спустя четверть часа мы вдвоём, полностью одетые, торчали у выхода, где я объясняла охране произошедшее и уже готова была продираться к крыльцу с кулаками.

К счастью, не понадобилось, нас нехотя выпустили на крыльцо, напомнив, что камеры наблюдения зафиксируют, если мы начнём своевольничать.

И Сашке действительно стало легче. Она с заметным наслаждением вдыхала морозный воздух и осматривалась так, будто вообще впервые в жизни оказалась за стенами этого дома.

Господи, да как же можно постоянно держать ребёнка взаперти?..

Впрочем, что я вообще знала о мотивах Булатова и причинах такого поведения? Жалкие крохи, полупустые отговорки. И ещё неизвестно, сколько в них было правды.

Зато теперь я точно знала, что Саша помнила взрыв. Раз её пугало даже его жалкое подобие.

Как следует поразмыслить над новой информацией мне, правда, не удалось. На подъездную площадку вырулил чёрный джип, из которого вышел Константин. Поначалу он очень удивился, когда нас увидел, но я поделилась случившимся, и он посмурнел, понимающе кивнул.

Опустился на корточки перед Сашей и легонько потрепал её за прятанную в рукавице руку:

— Ну ты как, малыш?

Саша неопределённо пожала плечами, мол, да так, терпимо.

Моё сердце сжалось. Нет, мне придётся поговорить об этом с Булатовым. Такие приступы могут развиваться в панические атаки или что похуже. А тут, чтобы вывести ребёнка подышать свежим воздухом, с боем пробиваться надо.

— Слушай, может, ты хочешь чего? Скажи, и дядя Костя тебе организует. Что-нибудь, что тебя по-настоящему порадует, а?

Я невольно улыбнулась. Но моя улыбка сползла с лица, когда Саша подняла на меня глаза — большие и молящие. Будто верила, что именно от меня сейчас зависело, сможет ли Костя это её желание осуществить.

Я тут же присела на корточки рядом с Костей, всмотрелась в её бледное лицо:

— Говори, Сань. Всё-всё, что угодно. Говори, чего хочешь?

Она долго не могла заставить себя озвучить своё желание, но потом всё-таки прошептала:

— Кролика...

— К... кролика? — я заморгала и уставилась на Костю, тот пожал плечами в ответ.

— Погладить, — застенчиво добавила Саша. — У меня был кролик. Тимофей. Мне мама дарила. Давно. Его уже не стало.

От её неожиданного признания меня будто током прошибло. Господи, да это же самая что ни на есть пет-терапия. И ребёнок даже точно знал, что ей нужно.

Я выпрямилась. Сердце колотилось в груди, но я уже строила самые безумные планы по выезду за пределы поместья.

— Костя, я... слушай, мне плевать, что там скажет Булатов. Но нам *нужно* поехать и погладить кролика. Ты же сам всё слышал.

Когда он вернётся, я ему *прикажу* целый вольер с кроликами приобрести. Но прямо здесь и сейчас... нам нужно добраться туда, где есть кролики.

Костя, к моему великому облегчению, всерьёз задумался, медленно проговорил:

— По трассе в сторону Москвы есть ТЦ с контактным зоопарком. Кролики там точно водятся.

— Значит, едем, — скомандовала я.

Константин помчался в дом предупредить Смирницкого, который имел полномочия спустить приказ по цепочке, чтобы нас отпустили. Вернулся он, правда, не совсем с победой — Смирницкий был недоступен, пропадал в закрытом северном крыле, телефон отключён. Там, насколько я поняла, вообще связь не работала. Костя оставил ему сообщение, разобрался с охраной, взяв всю ответственность за поездку на себя.

И это было благословением — племянник Булатова всё-таки имел в этом доме какой-никакой вес.

Через пять минут мы в сопровождении трёх охранников загрузились в авто и покинули пределы поместья. По дороге обсудили нашу стратегию и решили не рисковать, не вытаскивать Сашу из авто.

Через четверть часа мы были на месте, Костя взял все организационные вопросы на себя и через полчаса вернулся с корзиной — попросту выкупил кролика, чего бы ему такой экстра-

вагантный поступок ни стоил. Саша усадила на удивление смирного ушастика себе на колени и тут же запустила ручонки в его мягкую шерсть. Она была счастлива.

Я отвернулась, смахнув внезапно набежавшую слезу.

И мы уже собирались мчаться обратно, когда она тихонько дотронулась до моего рукава.

— Надя...

Она впервые назвала меня по имени. Слезы грозили меня ослепить.

— Да, Сашенька. Что такое?

— А тут же продают... печенье?

Костя засмеялся. Я тоже не сдержалась:

— Ещё как. Раз уж кроликов продают... Ты печенья хочешь? А какого?

— Карамельного. С ёжиком. Мне мама такое покупала.

Больше и добавлять ничего не пришлось. Я выскочила из авто и помчалась на поиски карамельного печенья. А когда уже отыскала вожаденную ярко-оранжевую пачку, действительно украшенную забавным ёжиком, услышала у себя за спиной:

— Извините?..

Обернулась. Позади меня с продуктовой корзиной в руке стоял высокий широкоплечий блондин.

— Извините, честно сказать, не знал, как вообще к вам обратиться.

Я выпрямилась, прижимая к груди пачку печенья. Совершеннейший незнакомец.

— А почему вы решили, что ко мне вообще стоит обращаться?

Блондин улыбнулся, будто оценил шутку:

— Верно. Вы, конечно, правы. Я просто... я парковался, когда вы из авто выходили.

— Извините, но мне это ни о чём не говорит.

— Вы сюда с Сашей приехали. С дочерью Дамира Булатова, верно?

Это было настолько неожиданно, что у меня на какое-то время дар речи пропал. Блондин, видимо, легко считал моё замешательство, потому что вновь улыбнулся и протянул руку:

— Извините, я даже не представился. Я Олег. Старый знакомый Дамира. К сожалению, давно не общаемся.

Я на автомате прожала протянутую руку.

— Надя. Мне очень жаль это слышать.

— Что поделать. С такими людьми, как Дамир, легко не бывает. Да вы, наверное, и сами знаете.

Я не планировала обсуждать своего проблемного работодателя с незнакомцами, даже если они и не ошибались на его счёт:

— Извините, я...

— Не извиняйтесь. Я понимаю, неожиданно. И отнимать ваше время не буду. Просто... передавайте ему привет. Скажите, я скоро обязательно к нему наведуся.

Он улыбнулся мне напоследок, развернулся и пошагал вдоль рядов. А я настолько опешила от произошедшего, что всю дорогу домой промолчала, зорко следя, как Саша с аппетитом поглощала печенье и пыталась накормить им своего нового друга.

И я планировала как следует обдумать всё, что стряслось. Сообразить, как преподнести всё это Булатову. Но оказалось, зря тратила время на раздумья.

Когда мы добрались домой, вернувшийся из столицы Булатов ждал нас в фойе. Он отмахнулся от Кости и его объяснений, велел охраннику сопроводить прижимавшую к себе кролика перепуганную Сашу наверх, а потом метнул полный ярости взгляд на меня и рывкнул:

— Вы. В мой кабинет. Живо!

Глава 22

Ему с неожиданным усилием удалось отвоевать себе почти три недели относительной передышки. Впрочем, о том, что это всего лишь передышка, он тогда ещё понятия не имел. Был целиком и полностью уверен, что одолевавшие его бредовые мысли испарились, стоило только выехать за ворота.

Дамир полностью сосредоточился на приоритетных задачах. С головой ушёл в дела. Полегчало. Поначалу. Он даже принялся всерьёз обдумывать уговоры Смирницкого заняться своим вконец расшатанным графиком сна.

Дела в Москве шли многообещающе. Чего не скажешь об остальном. Стоило на день или два вернуться за город, и спираль продолжала с опасной скоростью закручиваться. В кошмары странным образом вплеталась какая-то чушь. В обрывках страшных видений, будто пёрышко по воде, скользили странные образы. Светлые волосы, голубые глаза...

То в невесомости, в чёрном и страшном ничто, то в причудливо искажённых рисунках карт, будто во снах таро ему раскидывала не тётка, а сам дьявол.

И всё это, все эти странные обрывки снов пронизывало неодолимое желание дотянуться до ускользающих видений, дотронуться, схватить и присвоить. Временами желание обладать ими становилось непереносимым.

Но видение ускользало. Как будто тоже больше огня боялось прикосновений...

Свидания с Миленой ни черта не помогали. Он забывал о ней сразу же, стоило ему покинуть её постель. Наверное, действительно наступала пора пересаживаться на препараты. Откладывать не стоило.

Обрадованный Смирницкий оперативно организовал ему встречу с одним из московских светил, и после ряда тестов и предварительных процедур домой он возвращался с, предположительно, спасительным средством от его мутировавших кошмаров.

— Препарат экспериментальный, но зарекомендовал себя превосходно, — заверил профессор. — Поверьте, он своих денег стоит. Проследим за динамикой и при необходимости скорректируем дозу.

Про себя Дамир решил, что обязательно скорректирует ему физиономию, если препарат не поможет. Он очень на него рассчитывал, потому что в этот раз возвращался домой надолго.

Наверное, он даже прислушается к ягнёнку. Попытается сблизиться с Сашкой, как бы тяжело ему это ни давалось.

Он жизнь бы за эту кроху не колеблясь отдал, но всякий раз, когда видел её, перед глазами вставало произошедшее. Кажется, то же самое ощущала и его приёмная дочь. Природа человека неисповедима. Произошедшее могло сплотить их как никогда или сыграть в обратную сторону. И в их с Сашкой случае произошло, к сожалению, второе.

Между ним и спасённым им ребёнком всегда будет стоять тень. Тень той, которую он не спас.

Всю дорогу домой Дамир потратил на эти мысли и собирался положить их в основу своих будущих действий.

Но дом встретил его новостями, в которые он поначалу даже отказался поверить.

А теперь виновница этих новостей стояла перед ним и смотрела на него так, будто виной всему произошедшему был именно он.

Уму непостижимо.

— Вы нарушили мой главный запрет.

— На то была веская причина. И я только что её озвучила.

— Вы нарушили мой главный запрет.

— Вы вообще слышали, о чём я вам только что сказала? Если выбор стоит между вашим запретом и потребностью ребёнка, я не задумываясь выберу второе.

Дамир втянул в себя воздух, попытался сосчитать до десяти.

— Вам даже в голову не пришло хотя бы поставить меня в известность?

И ему удалось-таки отыграть крохотную пядь удерживаемой ею высоты — она опустила глаза, признавая ошибку.

— Я не слишком-то хорошо тогда соображала. Я думала только о Саше.

— Похвально. Но вашей промашки не отменяет.

— Я от неё и не отбрыкиваюсь. Ну, я не знаю... Накажите меня.

Какая-то крохотная частичка его сознания оценила её последнюю фразу. В совершенно неуместном ключе. Кажется, он был сейчас слишком на взводе, чтобы держать все свои тёмные порывы в узде.

И признание своего поражения перед сумасшедшими мыслями, которые накинудись на него, стоило вновь оказаться под одной с ней крышей, только распалили злость

Выходит, он всё-таки сходит с ума?

Желание прямо сейчас приложиться к заветному флакону с «экспериментальным» пойлом выросло стократно. Только бы остановить эти безумные мысли.

— Осторожнее со словами. Вы понятия не имеете, в какие проблемы вас может втянуть ваша неосмотрительность.

Она, конечно, не считала подтекст, и хорошо. Вопрос был слишком серьёзен, чтобы давать волю своим необузданным фантазиям.

— Но ведь всё закончилось благополучно. Ничего же не случилось.

— Вы ослушались. Вы подвергли риску Сашкину жизнь

— Она и так живёт в постоянном риске! Я же рассказала вам, что произошло!

— Это ни в какое сравнение не идёт с тем, что могло с ней случиться из-за вас! Вы не имели права никуда её вывозить!

Голубые очи сверкнули:

— А вы! Вы не имели права меня *покупать*!

А вот этого он не ожидал. Как и того, что ягнёнок шагнёт к нему вплотную и ткнёт пальцем ему в грудь:

— Вы! Вы ни во что людей не ставите, раз позволяете себе подобное!

Сербина. Больше некому. Ладно, с этим он разберётся позже.

— Я называю вещи своими именами.

— И кичитесь этим! Неудивительно, что в вашем окружении лишь самые близкие! Они вас ещё терпят. А остальные давно вас избегают, как... как Олег!

Это имя раскалённым прутом вошло ему под рёбра.

До этого страшного момента у разговора ещё был шанс вырваться из бурных волн в спокойные воды, но теперь — уже точно без шансов.

Весь белый свет заволочло алым. Слабо соображая, что творит, он схватил её за предплечье, притянул к себе и прорычал:

— Где вы были? С кем говорили?

В голубых глазах мелькнул страх — ослепляющий, почти животный. Побелевшие губы зашевелились. Он попытался сосредоточиться.

Супермаркет, «случайная» встреча. Привет передавал.

Он уж даже не скрывался. Он слал ему чёткий сигнал: я здесь, я слежу, я скоро приду.

Эта гнида где-то совсем рядом, кружит по-шакальи, выжидая момента...

— Вы... вы делаете мне больно. Отпустите.

Он только сейчас сообразил, что его пальцы впились в её руку до судороги.

— Этот Олег... он... это что-то серьёзное? Вы сами виноваты, что сразу мне всего не рассказали. Откуда же я могла знать, кто он такой? Он угрожает Саше? Вам? Вашим близким? Почему?

— Что во фразе «вопрос жизни и смерти» вам было тогда не понятно?

— Я решила, вы так выразились, чтобы я от вас отцепилась!

И частично она была права. Но лишь частично.

Почему он больше не таился? Давал понять, что он здесь и готов действовать. Что придавало ему такую уверенность? Это поместье — неприступная крепость, ей всё ни по чёму. Если не считать сегодняшней выходки сумасшедшей гувернантки.

Выходки, которая могла стоить ему Сашки.

Девчонка попыталась высвободиться из его хватки, и он ей с этим помог. Оттолкнул от себя и процедил:

— Выметайтесь. Выметайтесь из моего дома сейчас же!

Всё произошло слишком быстро. Я едва соображала, что делаю и куда иду. Голова натурально горела, меня трясло, и мысли окончательно спутались.

Где-то на периферии маячило понимание, что я нарушаю ещё один запрет — запрет на враньё, ведь я пообещала Саше, что останусь.

Но стоило вспомнить лицо Булатова, когда я упомянула этого Олега... и я уже знала, что для меня тут всё кончено.

Заплакала я только в авто, старательно пряча глаза от незнакомого водителя, которому поручили доставить меня домой. Кажется, его звали Игорем. Но он всю дорогу молчал, и за это я была ему благодарна.

Смирницкий скорбно попрощался со мной, передав конверт с зарплатой за месяц. Все купленные вещи я оставила хозяину, и не подумав их забрать, но от денег не нашла в себе сил отказаться. В этом конверте сейчас таилась моя последняя надежда.

Меня высадили у подъезда. Я затолкала подальше все свои переживания и сверилась с часами — 17:31. Обычно в это время Стас отсутствовал дома. Шлялся по каким-то только ему известным делам. Успею затащить чемодан в комнату и притвориться, что приехала погостить, приготовлю себя и мать к переезду на съёмное жильё. Завтра он опять куда-нибудь упрётся, и мы съедем. Булатовских денег хватит на пару месяцев, а там что-нибудь придумаю. Буду умолять Лилию подыскать мне что-нибудь ещё. Домой уж точно не вернусь.

Но мне не повезло. Я открыла дверь ключом, стащила сапоги в тёмной прихожей, однако добраться до своей спальни не успела. Из кухни на меня надвигался мгновенно оценивший ситуацию отчим.

Чёрные зенки вцепились в чемодан у моих ног. По рыхлой роже поползла омерзительная ухмылка:

— Што, вышвырнул тя Булатов? Быстро. Ну и славно. Щас я тя научу, как со старшими разговаривать.

И я не успела увернуться. Широкая лапища врезалась мне в висок и щёку. Я охнула и от силы удара повалилась на пол.

Глава 23

Видимо, предполагалось, что после всего ему должно было окончательно полегчать. И не только потому, что он избавился от непередаваемо упрямой, самоуправничавшей до откровенного риска девчонки.

Ему *должно было* полегчать, потому что он наконец-то избавился от странного, необъяснимого раздражителя, из-за которого в последний месяц вся его жизнь совершенно непонятным образом распаталась.

И что он ощущал *по факту*?

Пустоту. Злость. Беспокойство?..

За окнами давно сгустился вечер, а Дамир продолжал торчать в кабинете, безуспешно пытаясь разобраться с бумагами.

Лишь раз он отвлёкся, чтобы навестить Сашку, но этот визит ни его, ни её не порадовал. Она продолжала баюкать на руках своего пёстрого кролика, ни в какую не желая с ним расставаться, и очень просила позвать свою новую подружку, чтобы пожелать ей спокойной ночи.

Дамир с досадой и удивлением обнаружил, что не в состоянии раскрыть ей всю правду. Завтра всё объяснит. И заодно подумает, как к ней подступиться на предмет устроить новую встречу с психологом. Поэтому отделался пустой фразой о том, что гувернантка сейчас занята, и покинул её спальню.

Что-то грызло его изнутри. Непонятная, смутная тревога. Наверняка из-за информации, которая выяснилась в их последнем разговоре. Но временами казалось, он лишь пытается убедить себя в этом, а настоящим источником беспокойства было нечто совсем иное.

Дамир отшвырнул от себя бумаги и выругался.

То и дело рваными кусками вспл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.